КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 3 ЯНВАРЬ 1991

МУЖИКИ! По-моему, здесь что-то не так!

В. ПОЛУХИН, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

Космическая сенсация: столкновение двух НЛО

Подробности на стр. 10.

КРОКОДИЛ

№ 3 (2697)
январь 1991

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил» и издательство ЦК КПСС «Правда».

Главный редактор А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ (первый зам. главного редактора),
С. С. СПАССКИЙ (главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

Технический редактор В. П. БОРИСОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Редакция не рецензирует присланные литературные и изобразительные материалы. Рукописи объемом меньше 2 печатных листов не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 20.12.90.
Подписано к печати 27.12.90.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2765000 экз.
(1-й завод: 1—2215000).
Зак. № 4.
Цена 75 коп.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий» г. Свердловск, просп. Ленина, 49
Тираж 2 765 000 экз.
(3 завод 2 415 001—2 765 000).
Зак. 1829

МОЛОДОЕ ВИНО ИЗ «КРЕМЛЕВСКОЙ ЧАШИ»

Впечатления о теннисном турнире

ФЕРСТ СЕРВИС*

В кипящей страстями Москве знаменитая Ассоциация теннисистов-профессионалов организовала свой турнир «мировой серии» — «Кубок Кремля».

И спонсоры у него нашлись весьма именитые: германские «Байер» (с которой у «Крокодила» совместная благотворительная акция) и «Люфтганза», американские «Эй-Ти энд Ти», «Кодак» (с которыми у журнала, к сожалению, ничего общего нет), «Пепси» и ряд других.

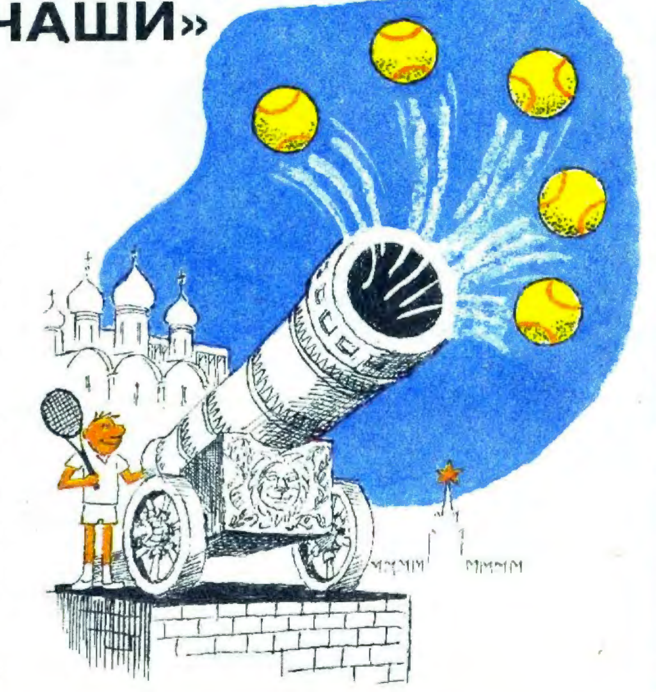
И не так уже и страшно, что из первой тройки «посеянных» игроков мирового класса во второй круг выбился, и то еле-еле, один лишь Санчес.

Лиха беда начало! Там, глядишь, почистим наши гостиницы от путан, фарцы и прочей грязи, и к нам приедут «чемпионы чемпионов».

«Крокодил», естественно, не мог остаться в стороне от турнира, который, дай Бог, со временем войдет в серию «Большого шлема». Не мог он и прийти с пустыми руками: все полуфиналисты получили призы журнала — дружеские шаржи, споро сработанные Ю. Черепановым. А вынесли мы с соревнований коллекцию курьезных случаев и историй, достойных ювеналова бича.

* Первая подача.

См. стр. 13.

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ НАКОРМИТЬ ГОРОД,
НО ПОПАЛ В ПАЛАТОЧНЫЙ ГОРОДОК

Он жил в «России». Нет, не в престижной московской гостинице «Россия» близ Красной площади, а в палаточном городке рядом с гостиницей. Городок тоже назывался «Россия». Не потому ли, что в него съехались те, кто на широких просторах России не смог добиться справедливости...

У него нет прописки, но он не бомж. Его постоянное место жительства — город Стрежевой на севере Томской области, и зовут его Валерий Иванович Хабибов.

Вот что писал о нем «Крокодил» в № 11 за 1990 год: «Есть в Стрежевом беспокойный мужичок, трудяга, мастер на все руки В. И. Хабибов. Загорелся он идеей — помочь людям с продовольствием, овощами... На крыше одной из городских контор он своими руками и, естественно, на свои средства соорудил теплицу, где получал буквально за один год до 300 килограммов помидоров!.. Отдавал их по госцене(!) в местную столовую».

Увы, ничего у Валерия Ивановича из этой затеи не вышло. Правда, договор аренды с той конторой он заключил: он будет выращивать овощи, а контора проведет расширение теплицы, обеспечит стройматериалами, оборудует подвал для выращивания там шампиньонов и зелени, да только руководитель конторы Н. Н. Хавронич не спешил выполнять условия аренды. Хабибов стал требовать. Хавронич заупрямился. Хабибов пошел жаловаться. И тут-то начали происходить странные происшествия. Сперва по непонятным причинам загорелась теплица. Потом кто-то отключил свет в подвале, в результате чего урожай зелени погиб.

Беспокойный мужичок Хабибов обратился в суд, который присудил с конторы в возмещение ущерба 441 рубль 35 копеек. Но после решения суда конфликт вступил в новую фазу. Теплицу вообще сломали, а когда Хабибов попросил в Промстройбанке ссуду под новое строительство, главбух той конторы (называется она Управление по капитальному ремонту скважин) тов. Верещагина позвонила в банк и заявила, что договор аренды с Хабибовым расторгнут, а посему ссуду ему давать не следует. И тут уже ни областной суд, ни другие областные инстанции не захотели помогать человеку без официально заверенной бумажки.

Вот тогда-то и появился Валерий Иванович с семьей в палаточном городке. Что было дальше? Обычная уже история: пикеты, плакаты, голодовки. Его принимали в Миннефтегазпроме, он побывал у Е. М. Примакова и А. Я. Сухарева (когда тот еще был Генеральным прокурором СССР), а также в Комиссии, образованной Президиумом Верховного Совета СССР для рассмотрения обращений граждан, проживающих в палатках у гостиницы «Россия» (так официально называется эта уважаемая комиссия).

И вот результат. Председатель комиссии Н. Ю. Решетова дала Валерию Ивановичу бумагу, в которой сообщает, что «органы прокуратуры пришли к выводу, что спор судом решен правильно. На основании изложенного и учитывая, что законом не предусмотрена возможность понуждения какой-либо стороны к заключению договора аренды без ее согласия, Комиссия считает, что оснований для постановки вопроса перед Прокуратурой СССР об отмене состоявшихся судебных решений не имеется».

Словом, не удалось мужичку В. И. Хабибову накормить по госцене помидорами, грибами и зеленью Стрежевой, город нефтяников и газовиков, куда даже поезда не ходят, зато в большом количестве прибывают спекулянты с юга, продающие помидоры по космической цене. Оказывается, «законом не предусмотрена возможность понуждения какой-либо стороны к заключению договора аренды». Не постигнет ли та же участь и других арендаторов, решивших накормить Россию? И разве кто-нибудь сможет понудить местные органы власти или колхозы к передаче земли в частные руки, ежели не будет на то их благорасположения?

Но, спрашивается, кто же тогда накормит нашу страну?

Юрий БОРИН.

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

НОВАЯ РУБРИКА: «КАК БЫ ВЫЖИТЬ?»

Плохо с едой. Трудно с транспортом. Совсем скверно с одеждой и обувью. Курить нечего, не говоря уж о выпивке.

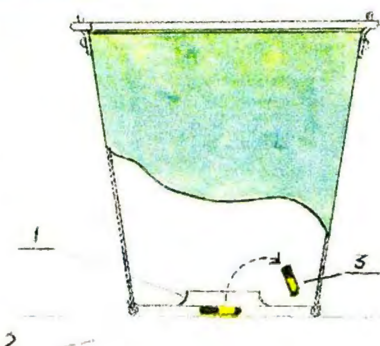
Однако чертовски хочется выжить.

И разные граждане ищут свои пути выхода из кризиса. Одни потуже затягивают пояса. Другие знакомятся с продавщицами. Третьи угоняют самолеты в Финляндию.

Крокодил решил создать нечто вроде фонда свежих идей о выживаемости в условиях всеобщего разброда и развала. Авторам идей Крокодил немедленно и с готовностью предоставит свои страницы.

Михаил Казачков из Казани, например, предлагает стеснительным гражданам чертеж устройства для подбирания окурков в людных местах.

В дне обычного ведра вырезается отверстие (1), края которого отбуртовываются внутрь. Ведро ставится на обнаруженный окурок (2). Добытчик опускает в ведро руку (вроде бы поправить что-то внутри), подбирает окурок и кладет его за бортик отверстия (3). Внешне все выглядит вполне благопристойно. Можно нацеливать устройство на следующий трофей.

Дорогие читатели! Крокодил ждет ваших рацпредложений. На конверте напишите: «Как бы выжить?»

К 70-летию со дня рождения

Ян ПОЛИЩУК

ИЗ БОРТБЛОКНОТА

Магическая сила

Не помню уж, когда и у кого я прочитал проницательное обозначение магической силы юмора. Вдумайтесь-ка сами. Дон-Жуан убивал своих противников ударом шпаги. Командор убил своего обидчика пожатием каменной десницы. Но и Дон-Жуан, и Командор были убиты мольеровским Сганарелем одной репликой. Стоило в момент, когда Дон-Жуан проваливается в преисподнюю, прозвучать гротескному возгласу его слуги: «А жалованье?!» — как романтическая трагедия превращалась в фарс.

Бедный Йорик

Возвратившийся из зарубежного круиза драматург С. очень сожалел, что не побывал на выставке, посвященной творчеству Шекспира.

— Запутался, понимаешь, в разных супермаркетах и промахнулся. А между прочим, рассказывают, что в одной экспозиции, отражающей период, когда Шекспир создавал своего «Гамлета», фигурируют два черепа. Над одним надпись: «Йорик в детстве», над другим, который в два раза объемнее: «Йорик в зрелом возрасте». Представляете, как совершенствовался герой моего великого коллеги!

Федот, да не тот

Судя по многим публикациям, в последнее время усилились нападки на всякого рода знахарей, колдунов, самозваных целителей. Дескать, без медицинского диплома, а туда же — лезут врачевать страждущих... Но вот история неожиданного свойства.

В селе Песчанка появился лекарь, назвавшийся дядей Федотом. Всю округу охватило волнение. Прикатывали к нему на прием из дальних мест. И, правда, врачевал он искусно: кому косточки разомнет, кому желудочные пилюли вручит — хвори как не бывало. Однако немного смущало, что денежек почти не берет, ну разве что для покрытия лекарственных убытков.

Решили разведать, почему дядя Федот так бескорыстен и вообще кто он и откуда?... Выяснилось, что это дипломированный доктор, удалившийся на пенсию. Публика стала разочарованно убывать. Обидно, понимаешь, знахарь-то оказался образованным. Как говорят в том же селе, Федот, да не тот.

Загубленный талант

По телевидению демонстрировали полуторачасовую передачу, посвященную творчеству зарубежной кинозвезды. Как полагается, вначале выступил хорошо осведомленный киновед. Из его получасового предисловия стало ясно, что актриса много играет в коммерческих лентах, которые, конечно же, губят любой талант; что в ее стиле ощущается мелкобуржуазный надрыв; что, наконец, репортеры желтой прессы следуют за ней по пятам, бестактно фиксируя интимные подробности быта. Словом, несладкая жизнь, несладкая!

Я хотел было расколоть телевизор: на кой, спрашивается, ляд мне нужна эта изломанная особа с ее угасающим талантом? Но тут замелькали первые кадры фильма, в котором она участвует. Что за камуфляж?! Картина оказалась одним из шедевров неореализма. Актриса и правда играла с надрывом, но совершенно в образе своей социальной героини. Желтые репортеры действительно ее повсюду преследовали... Да и как было не преследовать, когда «звезда» была так чертовски хороша, что ее портрет прямо-таки просился в модный журнал. Сам бы побежал за ней вприпрыжку, да вот перед киноведом было немного совестно.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ВМЕСТЕ ВЕСЕЛЕЕ!

Вот и началось наше плавание по бурному морю рыночной экономики.

Пресса одной из первых ощутила на себе все плюсы и минусы «свободного предпринимательства». Пока, увы, минусов больше. Подорожание периодики лишило многие издания, в том числе и «Крокодил», значительной части подписчиков. И Министерство связи безобразной доставкой журнала внесло свою весомую лепту в этот печальный процесс.

Тем более благодарны мы тем, кто и в новом году не отказался от журнала, поддержал его своим трудовым рублем. Спасибо вам, друзья! Мы постараемся сделать все для того, чтобы вы не пожалели о сделанном выборе. Золотые горы не сулим — хватит вам обещаний и без наших, но портфель наш набит довольно основательно. Вас ждут новые рубрики и разделы, конкурсы и турниры. Уже шумят в редакционных кабинетах новые авторы с новыми темами. Уже лежат на наших рабочих столах новые сатирические повести и иронические комедии...

Не забудем мы и то, что прочно прижилось в журнале и полюбилось вам. И конечно же, как и прежде, значительную часть нашей тесной жилплощади займут ваши письма, ибо и в новом году остается неизменной главная линия «Крокодила» — защита простого человека, его интересов, борьба со всем тем, что мешает нам жить по-человечески.

Не останутся без отклика многочисленные и весьма настойчивые пожелания читателей: больше юмора, больше улыбок разных широт и долгот!

Кому-то это может показаться странным, даже парадоксальным: в стране хозяйственная разруха, распри, пустые прилавки, выматывающие душу очереди, а они требуют смеха. До юмора ли сегодня?! Но, подписавшись на «Крокодил», покупая его в киосках, вы убедительно проголосовали «за». Ибо это у нас в характере, в генах наших: не сгибаться перед трудностями, врачевать недуги улыбкой, шуткой, острым словом. Чтобы жить. А нынче — чтобы выжить. Чтобы осилить то, что задумано. А тут юмор — и лекарство, и оружие.

Словом, в год Козы «Крокодил» хочет быть более веселым, смешным и задиристым. Поводов для этого в нашей действительности более чем достаточно, и мы постараемся использовать их, что называется, на полную катушку.

Впрочем, пора остановиться в своих обещаниях, чтобы не уподобляться некоторым нашим депутатам, выдавшим во время выборов столько соблазнительно хрустящих векселей, что оплатить их всей жизни не хватит.

Остановимся, чтобы сказать еще об одном весьма важном обстоятельстве. Неожиданное, резкое, поистине разбойное повышение стоимости газет и журналов нанесло весьма ощутимый удар по одному из главных завоеваний перестройки — по гласности. Чтобы оправиться от этого нокдауна, нам нужны ваша постоянная поддержка и дружеское участие. Ведь подписка на «Крокодил» продолжается. Тот, кто не успел или не сумел по разным причинам оформить ее в минувшем году, может сделать это в нынешнем — на месяц, на квартал, на полугодие, исходя из своих возможностей. А уж мы приложим все силы, чтобы вы вовремя получали свой журнал. Хотя, конечно, не так-то просто вести многолетнюю борьбу с почтовиками. Но ведь нынче они получили приличный навар за наш с вами счет, и мы вправе требовать от Министерства связи более четкой и ответственной работы. Именно требовать, а не просить могущественное ведомство выполнять свои прямые обязанности.

Вилы наши заточены, расчехлены, и мы готовы пустить их в дело, чтобы отстоять интересы своих друзей-подписчиков.

И еще об одном. Надеемся, что в недалеком будущем, освоив премудрости загадочной модели нашего рынка, редакция сможет снизить стоимость журнала до разумной, доступной большинству из тех, кто хотел бы постоянно читать наш журнал. Свой журнал.

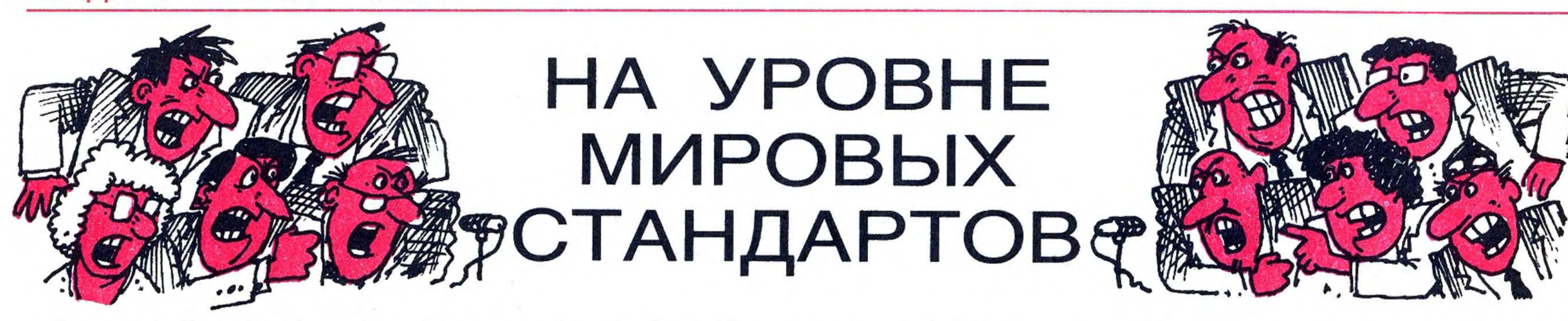
Словом, мы верим, что и нынче, в трудное для нас с вами и для всей страны время, мы будем вместе.

А вместе веселее!

В. ДУБОВ.

НА УРОВНЕ МИРОВЫХ СТАНДАРТОВ

Все, читатель. Можем облегченно вздохнуть и поздравить друг друга: и мы нынче не лыком шиты. И наш парламент достиг наконец давно ожидаемого уровня! И вы, телезрители, могли все это воочию лицезреть.

Но — по порядку, в хронологии, словно по стенограмме. Итак... Вот депутат **В. Алкснис** прозрачно намекает с трибуны, что межрегиональная депутатская группа — пособник ЦРУ. *(Шум в зале, аплодисменты, выкрики.)* Затем берет слово депутат **Н. Петрушенко:** «Надо, видимо, проверить «связи» межрегиональной депутатской группы с ЦРУ». *(Шум в зале, аплодисменты)*... Объявляется перерыв.

В курилке, перед буфетом, к народному депутату Петрушенко подходит народный же депутат Н. Медведев: «Послушайте, вы не могли бы меня напрямую связать с ЦРУ? Понимаете... ботинки нигде не могу купить...» Звонок — перерыв заканчивается.

У микрофона — депутат **Е. Коган:** «Я требую расследования о связи некоторых наших общественных и политических организаций с Центральным разведывательным управлением США... Если кто-то собирается здесь ошельмовать депутата Алксниса, то пусть поберегется»... *(Шум в зале, аплодисменты, смех, треск, топот...)*

На экране — народный депутат В. Шаповаленко подбегает к депутату Е. Когану и с разбегу гневно бросает ему прямо в лицо какую-то правду-матку. Так они стоят друг против друга на всесоюзном экране минуты две...

Депутат **В. Шаповаленко:** *(не слышно).*
Депутат **Е. Коган:** *(не слышно).*

И слава Богу, что не слышно... Шум в зале, аплодисменты, смех... Смех?!

Конечно, все это для нашего парламента необычно, но... оказывается, только для нашего, неопытного: наши начинающие парламентарии не в курсе, как надо себя вести по мировым стандартам. А в самом деле, как? Как быть, если точно не знаешь — теста: помните, как сегодня Анатолий Иванович сбежал с трибуны. Плюнул и ушел...

Так что вся эта нервозность идет сверху: если нет определенности наверху, у Президента, то ее тем более нет и ниже, то есть у депутатского корпуса. Так же и все общество — оно совершенно дезориентировано общей бестолковостью и хаосом...

ЭТИЧНО или НЕЭТИЧНО?

Вот что думают по этому поводу сами парламентарии:

Анатолий ДЕНИСОВ, председатель Комиссии по вопросам депутатской этики ВС СССР:

— На таких случаях мы видим обычное проявление той дикости, которую на время удалось загнать в подполье, но сейчас она опять проступает. Ну... с одной стороны, с нравственной, что ли, это, конечно, недопустимо, а с другой — понятно: когда вокруг такой балаган, то, естественно, эмоции лезут наружу и сталкиваются правые с левыми. Там, где, несмотря на временный консенсус, дело ни с места, всегда проявляется в конечном итоге такой экстремизм. Понимаете, ведь терпеть можно что-то под гарантию (или хотя бы ожидание) определенного будущего, а когда его не видать, выплескиваются эмоции: во имя чего терпеть-то? Причем так бывает каждый раз после каникул, когда депутаты, насмотревшись жизни в своих округах, возвращаются сюда... Особенно те, кто подолгу живет здесь, а потом появляется на местах, испытывают подчас просто шок! А тяжесть моего положения — председателя Комиссии по этике — состоит в том, что я мог бы эти проявления осуждать, если бы... я думал, что депутаты не понимают, что творят. Но это же очень по-русски: у нас часто эмоции преобладают над разумом, вот и все. Они всё прекрасно понимают, но не могут удержаться. И президиум точно такой же, из того-же

Ирина АНДРЕЕВА, заместитель председателя Комиссии по вопросам депутатской этики:

— Я считаю, что все это ... нормально. Обычная парламентская жизнь, ничего сверхъестественного не происходит. И я так считаю, несмотря даже на мой такой громкий титул и причастность к Комиссии по этике. Есть, конечно, этические правила поведения в парламенте (депутаты, кстати, сейчас уже их получили и изучают). Но ведь это лишь свод приблизительных ориентиров. И когда один депутат вчера дал отпор простотаки провокационной вылазке другого, я, несмотря на не очень этичную форму, его не осуждаю. И не возмутилась. Я, конечно, не хотела бы, чтобы, не дай Бог, дошло до рукоприкладства, хотя... Хотя это было бы датой отсчета начала **полноценности нашего парламента...** Вы ж знаете, видимо, что нет ни одного парламента в мире, где бы депутаты не дрались. В израильском кнессете, например, просто каждый день происходит рукопашная! Мы же, разрабатывая наш этический свод правил, изучали жизнь зарубежных парламентов, поэтому я знакома с их нравами. Во многих парламентах, оказывается, есть специальные службы для разнимания дерущихся депутатов! И в финском парламенте есть такая служба, и в английском, и в ФРГ. И, судя по последним инцидентам, нам бы тоже уже пора завести такую службу, хотя... Я-то думаю, что наши депутаты в состоянии сами предотвратить драку: вы же видели, как кинулась Матвиенко разнимать чуть не подравшихся депутатов Когана и Шаповаленко, отважно встала между ними!..

Так что я к этому отношусь спокойно. Для меня все-таки на первом месте стоит позиция человека, а потом уже форма, в которой выражается действие в соответствии с этой позицией. И это для меня дороже, чем какието проявления внешние... Я даже считаю, что тут можно кое на что закрыть глаза: порой и грубоватое словцо хотя, может быть, и не украшает наш парламент, но... у нас нет ведь и палаты лордов, верно?..

Алексей ЕМЕЛЬЯНОВ, академик ВАСХНИЛ:

— Случай между Коганом и Шаповаленко — это квинтэссенция обстановки в стране: когда ничего у нас не получается, идем ко дну, а депутаты — тоже люди, не выдерживают нервы. Это дело понятное, хотя и недопустимое. Как любой руководитель должен быть выше подчиненного в своих человеческих проявлениях, так и парламентарий по сравнению с остальными людьми... В этом смысле, кстати, и нашим лидерам — и Михаилу Сергеевичу, и Лукьянову — недостает порой этой выдержки, и они провоцируют подобные всплески в зале. Надо повышать нам всем общую культуру. Причем на демократической основе. Почему, например, срываются иногда наши лидеры? Потому что они часто ведут себя так, как они привыкли... Раньшето это вообще была норма, а теперь все-таки так уже нельзя, но иногда их прорывает.

Юрий РЫЖОВ, академик АН СССР, председатель Комитета ВС СССР по науке:

— Многовековая парламентская практика дает такие примеры неоднократно. И не только в XVIII и XIX веках, но и в XX, и даже во второй его половине. Ничто человеческое никому не чуждо. Нужно нам это в парламенте или нет? Я считаю: нам не нужен **этот парламент.** В сегодняшней структуре власти он абсолютно лишний! Или он самоопределится, что он было попытался 14 ноября на эмоциях сделать (но его пыл, как и следовало ожидать, довольно быстро угас), или он должен самораспуститься, так как еще раз показал, что не может в этом составе отражать насущные интересы общества адекватно, а отражает с достаточной степенью адекватности **невменяемость** общества. Беранже, в вольном переводе, сказал на эту тему примерно так: бунт и не может кончиться удачей, в противном случае он называется иначе...

Это был этакий мелкий бунт, которого надолго не хватило. Такие «бунтики» вспыхивают и так же быстро затухают. А президиум является проводником желаний определенных лиц или даже круга лиц, определенного цеха. И в этом качестве президиум и его руководители только и нужны этим структурам. Просто спикер, который должен выяснить объективное мнение представителей (избранников) народа, те круги не устраивает. Значит, в том виде, в каком существует сегодня руководство парламента, оно не устраивает, по сути дела, и парламент, но он, к сожалению, не осознает пока этого.

Все это и порождает неудовлетворенность парламентариев своей деятельностью, стыд за себя, их нервозность и даже агрессивность. Поэтому стычки, которые здесь происходят, что было видно даже на экране всем телезрителям, я считаю, совершенно естественны в подобной обстановке. И даже если бы был здесь элементарный мордобой, я нисколько не удивился: это было бы нормальным логическим завершением всей сегодняшней ситуации... И было бы что обсуждать здесь еще четыре дня — Комиссия по этике взвешивала бы, у кого какой синяк, кто первый ударил... Это единственное, что наш парламент мог бы обсуждать вполне компетентно. И все были бы наконец при деле...

Эрнст ТИХОНЕНКОВ, председатель подкомитета ВС СССР:

— Такие инциденты, какой произошел, к примеру, между Коганом и Шаповаленко, не приводят, конечно, к повышению эффективности работы парламента. Независимо от того, кто прав из них, а кто нет. Их вспышка вывела из колеи присутствующих депутатов, не дала возможности Президенту выступить с заключительным словом: а я видел, что он готовился к этому. То есть концовка заседания была тем самым торпедирована. Если кому-то из депутатов невмочь уже без таких эмоциональных выхлопов, давайте сделаем так, как это придумали японцы. Помните, они завели себе отдельную комнату вне зала заседаний, в которой развешивают чучела известных общественных и государственных деятелей разного ранга. И каждый, вошедший в эту комнату, может от души свести счеты с не понравившимся ему деятелем, отдубасив самолично соответствующее чучело... То есть без ущерба для окружающих выяснить с ним отношения. А то ведь избиратель наш, увидевший на своем телеэкране инцидент, естественно, может рассудить так: «Это ведь открытое заседание. А накануне было проведено закрытое. Представляю себе, что было на закрытом, когда посторонние не видели»...

Николай ТУТОВ, член Верховного Совета СССР:

— Видите ли, положение сейчас в стране очень нервозное, сегодня депутатам сильно достается от избирателей в округах, они то и дело ставят вопрос об отзыве депутатов, поэтому депутатам приходится по многим проблемам пересматривать свои позиции. А ведь все проходит негладко, на нервах и так далее, что и приводит к таким инцидентам. Безусловно, играет роль здесь и такой факт, что целый ряд «правых» депутатов готовы свалить вину за провал шести лет перестройки на демократов, в частности на межрегиональную депутатскую группу, идет активный поиск ведьм, врагов народа, пособников ЦРУ, то есть используется проверенный сталинский метод борьбы с прогрессивными людьми и направлениями. Помните, полковник Петрушенко же обвинил МДГ в связях с ЦРУ... Бред какой-то! Явное желание найти виновников всех наших бед в других, чтобы обелить себя, больше ничего. Так что эта вспышка эмоций — не просто несдержанность или недостаток культуры, а нечто более принципиальное и серьезное. Зал, в котором большинство, принимающее решения, стремится всячески оправдаться в своих провалах, провоцирует депутатов на подобные поступки. И это не единственный метод воздействия на радикальных депутатов. Я, например, на днях получил угрожающее письмо от депутатов-коммунистов, что, дескать, они мне набросят петлю на шею, если я не уеду из Москвы, не прекращу свою «антисоветскую работу в парламенте»... Подписано это письмо «Л. Лехно», но, как мне удалось установить, под такой фамилией нет у нас народного депутата. Я передал это письмо Председателю КГБ Крючкову, попросил принять какие-то меры. Поглядим...

А вообще-то эту нервозную обстановку в зале подогревают и президиум, не дающий слова или выключающий микрофон, и отдельные депутаты... Помните, как-то тут выступал один депутат с громким голосом, а после него буквально выбежал к микрофону Голик, председатель Комитета по борьбе с преступностью, и изрек такое: «Не надо повышать голос на парламент, а то мы тоже можем вас захлопать и затопать»... Такова этика этих людей.

* * *

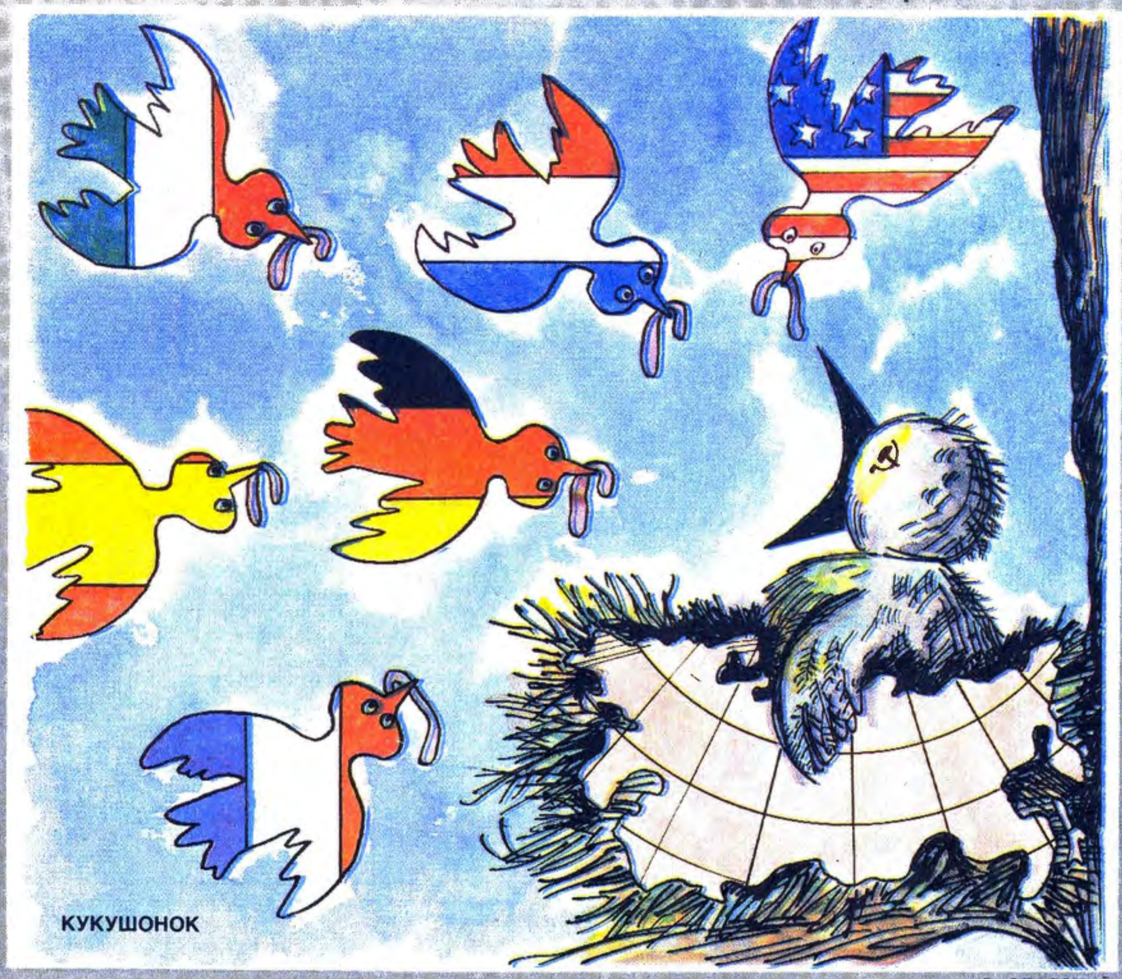
Такова этика... И все же полной ясности так и нет: что же можно депутату в парламенте, а что нельзя. Как все-таки быть, коль уж стряслась такая острая ситуация, когда один народный избранник не согласен с другим, не менее народным, избранником? Взять ли несогласного сразу за грудки или чуть погодить до перерыва, а уж там, в курилке... Или, может, лучше — за углом? Прямо как выйдешь через Кутафью башню, сразу же и врезай. Что эффективней — долго и нудно выискивать в своей голове аргументы поубедительней или, не раздумывая,— поддых, чтоб закачался?..

Нигде нет четкого ответа на эти больные вопросы. Даже и в тех самых «Правилах депутатской этики», которые розданы парламентариям и уже действуют. Там, конечно, на всякий случай сказано, что депутаты «не должны использовать в своей речи грубые и некорректные выражения, призывать к незаконным и насильственным действиям, допускать оскорбления в адрес других депутатов...»

Но все так, в самом общем виде, без конкретизации. Не уточнено, в частности, в каком случае всего этого не рекомендуется «использовать» — в открытом ли только заседании парламента, которое транслируется по второй программе ТВ на весь Союз, или, может, и в закрытом тоже? В общем, масса вопросов остаются открытыми.

Баталии на «кухне» наблюдал Григорий КРОШИН.

О ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ

С. СПАССКИЙ.

— Что вы думаете о реализации Продовольственной программы?

. . . .

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.

В. МОХОВ.

— При попытке купить продукты задержан гражданин из зарубежной области.

В. ВЛАДОВ.

М. ВАЙСБОРД.

Дело о ползучей клевете

Дмитрий СЕМЕНИК, специальный корреспондент Крокодила

МОГИЛА ДЛЯ МОГИЛЬЩИКОВ

Расхожей истиной стала мысль: старые государственные структуры боятся новых экономических форм — кооперации, фермерства, аренды, СП,— так как видят в них своих могильщиков. Теория красивая, но, по-моему, преждевременная: пока что чаще государственные чиновники всех мастей с удовольствием пользуются этими новыми формами для своего обогащения. Стригут едва взошедшие ростки новой экономики с веселостью газонокосилки.

...21 марта 1990 года работники новороссийского ОБХСС неожиданно принялись изымать бухгалтерскую документацию строительно-монтажного кооператива «Лада». «Для проведения плановой финансово-хозяйственной проверки»,— объяснил начальник ОБХСС города А. Г. Слышик председателю кооператива В. К. Антошевскому. Такая проверка является прерогативой финорганов. Зачем же?.. «Слышик стал говорить, что всегда можно найти повод для закрытия кооператива, а можно и не найти... все в наших руках»,— показал на допросе председатель кооператива. Антошевский уверяет, что понял эти слова однозначно. На следующий день ладовцы взяли в кассе кооператива под отчет одну тысячу рублей, и — снова обратимся к показаниям Антошевского — «Щербаков В. В. сказал, что ему пришлось дать Слышику А. Г. одну тысячу рублей».

Правду ли говорят кооператоры, нам неведомо, но документы Слышик им так и не вернул. А через день ладовцы заявили в прокуратуру о даче взятки. Объяснить это можно по-разному.

Все очень просто, объясняют кооператоры. Они не стали бы подымать шум, но Слышик нарушил святой кодекс чести: взятку взял, а документы, без которых кооператив не может работать, не вернул. Система шантажа кооператоров прекрасно отработана чиновниками, коррумпированными еще с медуновских времен. Все знают, что кооперативы у нас не могут работать, не нарушая законов. И все, кто может, пользуются этим. Так кооператоры считают.

Все куда проще, говорит милиция. Данная взятка — это подлая, наглая и примитивная клевета. Неподкупный сыщик Слышик непримиримой борьбой с преступным миром и высокопоставленными взяточниками вызвал гнев последних. И эти последние — самые что ни на есть распоследние — решили убрать его грязными руками бесчестных кооператоров.

Обе версии настолько правдоподобны, что не будем верить ни одной из них.

Вскоре прокуратурой города было возбуждено уголовное дело... по заявлению Слышика о клевете кооператоров Антошевского и Щербакова на него. Видно, сработала пословица: не рой яму другому... Пословица как раз для могильщиков, и если кооператоры — могильщики старого мира, то не мешало бы им знать ее.

Еще в тот самый день, когда кооператоры заявили о взятке, Слышик вызвал опытного ревизора Касьянову и сказал, что в «Ладе» хищений не меньше чем на 300 тысяч рублей. Однако, проведя ревизию, Касьянова доложила начальнику ОБХСС, что в «Ладе» нет хищений даже на 3 рубля.

Тогда Слышик, как утверждает Касьянова, стал просить ее: «Дана Петровна, сделайте мне по «Ладе» «конфетку», я прошу вас! Я поставлю вам телефон — у Антошевского сниму, а вам поставлю». Форма премирования не новая — еще в каменном веке коварному победителю доставалось имущество побежденного, включая его жену, а порой и собственное тело в жареном виде. Но мы вроде не в каменном веке?

Так что скорее всего Дана Петровна тоже клевещет на честного Слышика, но странно, что как раз накануне этого разговора телефон у Антошевского был отключен.

Дана Петровна, если верить ей, возразила, что хищений в «Ладе» нет, а из ничего «конфетку» не сделаешь. Как это нет хищений?! Следователь Ю. З. Калмыков «высокомерно потребовал, чтобы 1000 рублей, полученную Щербаковым под отчет на хозяйственные расходы, мы считали похищенной из кассы кооператива Антошевским и Щербаковым»,— уверяет Касьянова, которая и тут заартачилась. Однако бухгалтер кооператива Левина, а также ревизоры КРУ Севастьянова и Курочкина подписали необходимые следствию документы.

Несомненно, незадачливые могильщики из «Лады» были бы закопаны привычными руками глубоко и бесшумно, если бы в руки заместителя председателя комиссии горсовета по законности М. И. Пилюшина не попали материалы дела о клевете на Слышика, а также свидетельства: о давлении Слышика на заведующего горфинотделом Володарского с целью не допустить возбуждения уголовных дел; об успешном выживании Слышиком неудобного Савина с поста начальника ОБХСС Приморского РОВД и другие подобные материалы. Пилюшин предложил редактору местного еженедельника «ЭКО» Ю. А. Алексеенко опубликовать их — только документы, без комментариев. Первая часть статьи вышла, номер со второй частью арестовал сам издатель, с третьей — не был даже отпечатан.

Против редактора «ЭКО» Алексеенко было возбуждено уголовное дело сразу по трем статьям УК — распространение клеветы в печатном произведении, разглашение данных предварительного следствия и злоупотребление служебным положением. Дело было поручено как раз тому следователю Ю. З. Калмыкову, которому в публикации «ЭКО» приписываются слова: «Я работник хороший, все, что я делаю, идет в суд. И Антошевского с Щербаковым я посажу» Довольный Калмыков взял с Алексеенко подписку о невыезде и сообщил, что может и под стражу взять в качестве меры пресечения.

Насколько опасным для общества считают Алексеенко новороссийские стражи закона, можно судить по тому, как они пресекают действия других преступников. Недавно четырежды судимый В. П. Ивахненко, вместо того чтобы отбывать очередной срок, три месяца работал на даче у начальника Приморского РОВД подполковника милиции Н. Н. Карчевского. О том, какими методами подполковник Карчевский избавлял находящегося в розыске уголовника Ивахненко от отбытия законного наказания, говорит малограмотная строка из протокола допроса последнего: «Карчевский сказал будешь здесь болтать посадим в камеру, где тебя изнасилуют».

Как ни странно, любители чернить и клеветать не унялись. Газета пароходства «Черноморец» полностью напечатала материал, который не удалось опубликовать «ЭКО». Против ведущего редактора того номера Г. М. Поповой, разумеется, тут же было возбуждено уголовное дело о клевете, которое было поручено все тому же следователю Ю. З. Калмыкову.

Чем дальше прокуратура углубляется в лес, тем больше дров. 27 июля прокурор города Ю. И. Шохин направил в горсовет представление на депутата Пилюшина, где сообщил, что необходимо согласие Совета «на привлечение Пилюшина М. И. к уголовной ответственности за клевету и другие преступления в отношении Слышика А. Г.». Еще до суда прокурору ясно не только то, что Пилюшин — преступник, но и то, что Слышик невиновен: «В возбуждении уголовного дела отказать за отсутствием состава преступления». В следующем письме прокурор Шохин именует Пилюшина «организатором совершенных Алексеенко Ю. А. и другими преступлений». И вот депутат — уже главарь преступной шайки. Впрочем, злодей Пилюшин признает, что сознательно шел на предание гласности имеющихся у него документов по злоупотреблениям Слышика в период следствия, чтобы не дать свершиться несправедливости.

После публикаций о «Ладе» другие кооператоры стали писать Пилюшину письма о незаконном изъятии у них бухгалтерской документации милицией. (Когда милиция узнала о жалобах депутату из кооперативов «Эврика» и «Благоустройство», против членов этих кооперативов мгновенно были возбуждены уголовные дела.) О вымогательстве взяток кооператоры при этом не сообщали, что, впрочем, ни о чем не говорит, так как пример «Лады», которая почти закрыта, у всех на виду.

Недоверчивые люди — кооператоры города Новороссийска. Еще весной 1990 года к Пилюшину обратился кооператив «Строитель-2» с просьбой помочь изобличить взяточника из горисполкома, который жаждал получить 3000 рублей за помощь в покупке трактора. Не доверяя милиции, кооператоры были готовы взять меченые деньги только от КГБ. Однако на обращение Пилюшина замначальника городского УКГБ ответил, что это не их компетенция. Я должен оставить при себе свое мнение о том, вымогает ли новороссийская милиция дань с кооператоров. Скажу лишь, что возможности для этого у нее прекрасные. И в целом по стране государственный рэкет новых предпринимателей процветает. И будет процветать, пока законы будут дискриминировать их (как, например, принимаемый Закон о малых предприятиях) и тем самым обрекать на полулегальное существование. Спите сладко, чиновнички, на подушках, набитых вроде бы кооператорскими, а по сути — нашими, пролетарскими, деньгами. Пусть вам приснится Верховный Совет, где принимают очередной закон, противоречащий красивой концепции о равенстве всех форм собственности. Баю-бай.

А в новороссийской ситуации пусть разбираются профессионалы — Прокуратура РСФСР, которая уже занялась этим делом. И хорошо бы разобрались поскорее, пока дела о клевете на милицию заведены еще не на каждого жителя города Новороссийска.

* * *

А вот факты последнего времени. 18 октября на сессии Новороссийского горсовета решался вопрос о недоверии руководителям правоохранительных органов. Только благодаря тому, что из 150 депутатов присутствовали 112, Слышик и Шохин не получили вотума недоверия.

25 октября Октябрьский райнарсуд в третий раз рассматривал дело о клевете на Слышика. Алексеенко и Щербаков присутствовали, третий обвиняемый — Антошевский — не явился. Судья А. Потемкин вынес определение: поскольку обвиняемый в третий раз подряд не явился в суд, арестовать его. Хотя Антошевский являлся на первые деа заседания, которые сорвались по разным причинам.

Оказалось, что Антошевский был жестоко избит. В 1-й городской больнице ему поставили диагноз: «Контузия головного мозга, кровоизлияние в спинной мозг, провалы памяти, не может правильно назвать причину травмы». Депутат Пилюшин считает, что избиение обвиняемого накануне суда не случайность.

Этим дело не кончилось. 11 ноября Антошевский, который должен был лечиться два месяца, был арестован в больнице и водворен в камеру к уголовникам. Хотя он — бывший работник уголовного розыска.

г. Новороссийск.

В. ЛУГОВКИН.

— Опять прогуливаешь!
— А ты опять сбежал с заседания сессии Верховного Совета?

Леонид Завальнюк

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

От поэта ушла жена
Как-то осенью в вечер ненастный.
И он понял, как это прекрасно,
Как его утомила она!
И откуда в нем сила взялась?
Вылез он из застойности серой.
И, горящая правдой и верой,
Песня радости вдруг родилась.
Трижды он переписывал стих.
Ночь промчалась, как в юные годы.
Вот он, выплеск любви и свободы!
Вот он, взлет! Наконец-то достиг.
Что ж теперь? А теперь бы прочесть.
Где ж она? Ах ты, черт! И — в погоню.

Он догнал ее, слезы утер.
— Вот послушай!
— Не буду!
К подворотне какой-то припер:
— Будешь! Слушай!
И стих запылал, как гигантский костер.
И она его руку накрыла своею дрожащей ладонью.
И стояли они среди ночи огромной, как свет без конца и границ.
И озноб колотил их.
И вселенские тени на небе плясали.
И слились их дыханья, и катилися солнца с ресниц.
И два голоса:
— Ах ты, господи, счастье какое! Вот что мы наконец написали!

ПЕЙЗАЖ С ДВУМЯ ОТВАЖНЫМИ

Ненастной порой
На улице сырой
В хвосте большой специфической очереди
Столкнулись два отважных — Первый и Второй.
— Эй ты, очкарик! Ну-ка дай мне в зубы, чтоб дым пошел! —
От нечего делать закуражился Первый.
— Хочешь сигарету, попроси по-человечески! — отозвался Второй.—
А лучше совсем отойди. Ты мне не нравишься.
И вообще действуешь на нервы.
— Это почему же? — И такой у Первого внушительный тазобюст,
Что голова его, как пивной котел, где-то в полуметре
над Вторым качается.
— Потому что я трус,— отозвался Второй.— Но я ничего не боюсь.
И не надо надо мной нависать. Добром это не кончится!
Видишь ли, тело мое почти всегда испытывает животный страх,
А душа моя столь свирепо наказывает меня
за каждое проявление трусости,
Что мимо воли приходится переть на рожон.
И, пожалуй, ты сейчас так получишь ногой в пах,
Что тебя ни одна больница не возьмет.
Но и у меня будут свои неприятные трудности.
Со стороны может показаться, что для меня ударить — легче легкого.
А тем не менее
Мне каждый раз приходится совершать невероятное насилие
над своей ногой или рукой.
Ты спросишь: почему?
Первый кивнул.
— А потому что у меня два, понимаешь ты,
два инстинкта самосохранения.
У тела, будь оно проклято, один, а у души совершенно другой.
— Это надо же! — удивился Первый.— А к врачу не пробовал?
— Ну что ты!.. С точки зрения медицины я совершенно здоровый!..
— Это надо же, как угораздило человека, ах ты боже мой!..
И тут их очередь подошла.
И Первый, как бы замешкавшись,
вежливо пропустил вперед Второго.
А Второй подождал, пока Первый отоварится,
И они закурили и вместе пошли домой.

НАПИШУ НА НЕБЕ...

Напишу на небе:
«Спасайтесь, люди!
Посмотришь в завтра — кошмарная перспектива.
Любим мы размножаться.
Ох как любим!
Перенаселение. Погибнем. Ни шагу без презерватива!»
Напишу на небе:
«К нашим миллиардам еще миллиард, и всем кранты!»
И вдруг изнутри какая-то встречная мысль типа «иду на ты»:
— А кто это тебе поручил именно этим способом
Человечество спасать?
И обязательно лозунг на небе. Какой упорный!
Да если бы небо позволяло каждому идиоту на себе писать,
Оно давно было бы сплошь исписано,
как стены общественной уборной!
...Конечно, все мы погибнем от перенаселения.
Но стоит в этот страх душой втрудиться,
И каждый раз натыкаешься на какое-то жжение:
прими его в себя — до основания выжжет.
Не знаю, что это.
Но мне кажется, это какая-то небывшая жизнь,
До того вопиюще хочет жить
Или хотя бы родиться,
Что это можно сравнить только с одним:
Со столь же вопиющим желанием человечества выжить.

НЕТУ НА ВАС ХОЛЕРЫ

(вспоминая одно из писательских собраний)

Поэты стали задирами.
Лупят друг друга лирами.
В каждой строке раздражение,
Что ни стишок, то сражение,
Что ни эпиграф — ловушка.
В каждой поэме — пушка.
— Огонь по лаптям и телегам!
— Огонь по духовным калекам!
— Сам ты, болван, калека!
— Сам ты, осел, телега!
Буйно вскипает злоба.
Вот уже красные оба.
Оба в задоре высоком
Исходят клюквенным соком.
Вопли и вдовьи слезы,
Зловеще скрипят обозы.
И небо дрожит голубое
Над жуткой картиной боя.
Но вот момент передышки:
Бойцы выпекают пышки,
Едят и поют о доме,
О мирно шуршащей соломе,
О том, что гложет обида
На бывшего кровного брата.
О том, что лира побита
Об медный лоб супостата.
Пора починить — их дело.
О том, что — ох, надоело! —
Грозить кому-то невнятно,
Друг за дружкой гоняться.
О том, что драться занятно,
Если нечем заняться,
А так ведь накладно. И больно
За тех, кого бил напрасно...
О том, что, пожалуй, довольно!
Что жизнь-то ведь в общем прекрасна!
Но тут на соседней опушке
Как-то пальнул из пушки:
— Ах ты, болван, телега!
— Ах ты, осел, калека!
И снова во славу мрака
Затеялась мощная драка.
Поэты бьются, как черти,
Никто не боится смерти.
Орут, пупа не жалея,
Словно коты в охоте:
— Я за народ болею!
— А я его плоть от плоти!
В раже доходят до точки,
Рвут на себе сорочки:
— Плюйте в глаза ему, плюйте!
— К стенке его, на галеры!

Ах вы, веселые люди,
Нету на вас холеры!

КИНОЗУБ

ЛОВУШКА ДЛЯ ДЕТЕКТИВА

Несколько вопросов киноработникам

Ох, и трудно же сегодня приходится на экране нашему отечественному детективу, вступающему в борьбу с нашей же отечественной мафией! И не столько по вине этой самой мафии, сколько по вине авторов. Мафия, она что? Ну, измордует героя-одиночку. Ну, подстрелит даже на худой конец. Так это ему, сердешному, по закону жанра на роду написано. Зато зрители аплодируют, понимая, что хоть герой и погиб, а мафия, как известно, бессмертна, но дело героево живет и побеждает. Хотя бы на экране. Тут все понятно. Мафия коварна и детективов, сующих нос в ее темные делишки, очень не любит.

Ну, а создатели? Чего же они все норовят загнать своего героя в ловушку под названием Схема, в которой самого что ни на есть суперменистого очаровашку ожидают не аплодисменты, а скука и позевывание зрительного зала?

Ну, скажите, зачем они первым делом своего капитана *(майора, подполковника)* отстраняют от работы *(отправляют на пенсию, сажают в тюрьму)*? Он, что же, без этого никак не решится на рукопашную схватку с организованной преступностью?

А друга *(заместителя, жену)* зачем «убирают»? Для пущей отчаянности героя в неравной борьбе?

А путанку *(наркоманку, подругу)* зачем ему в койку подкладывают? Чтобы доказать, что и путанки любить умеют? Или наоборот, что и милиционерам ничто человеческое не чуждо?

И почему, когда капитан *(майор, подполковник)* героически идет по следу, его коллеги дружно хлопают ушами *(трусливо поджимают хвост , ставят палки в колеса)*? По жанру или по правде жизни?

И когда же зарабатывает свои неправедные миллионы мафия, если она все время пьет *(распутничает, дебоширит)?* Тогда чего мы ее так боимся, сограждане?

А то, что возглавляет ее непосредственный начальник героя *(майор, полковник, генерал)*,— это случайность или закономерность? Чему верить: когда они были на экране сплошь отцы родные, или когда сейчас сплошь изменники и оборотни?

А в том, что начальника героя в финале неизбежно арестовывают *(пристреливают, заставляют кончить жизнь самоубийством)*, проявляется соцреализм? Или ревромантизм детективного жанра? Это сегодняшняя реальность или мечта о светлом будущем?

И вообще, чем отличаются нынешние детективы от безвременно почивших в бозе телезнатоков? Новыми «перестроечными» штампами?

И наконец, любят ли авторы своих героев, заставляя их, как марионеток, бесконечно повторять одни и те же движения? А зрителей?

Все эти вопросы возникли у меня после просмотра фильмов «Клещ», «Дураки умирают по пятницам», «На темной стороне луны». Ответы ищите на экране. Если найдете, конечно.

П. СМИРНОВ.

Александр ХОРТ

НОМЕР ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ

Сатирическая повесть

Творческий рост нашего постоянного автора Александра Хорта проходит строго в соответствии с законами биологической эволюции, то есть постепенно, а точнее — он идет от меньшего к большему. Его первые миниатюры были опубликованы в стенгазете Клуба «12 стульев» «Литературной газеты» — «Рога и копыта». Потом он писал для нас «Вилы в бок!», прозаические пародии, рассказы, выпустил в «Библиотеке Крокодила» книжку «Лавровый пинок». Создал одноактную пьесу «Пальма в кафе «Север»... Следующим номером такой программы должна быть сатирическая повесть. Ничего другого мы не ожидали. И точно — не успел ни один из театров поставить пьесу А. Хорта, как он уже принес в нашу редакцию повесть. Правда, ее объем приближался к роману, что является уже следующим этапом литературной эволюции. Поэтому мы предлагаем читателям сокращенный, так называемый журнальный вариант.

Несколько недель подряд голова председателя Теремковского горсовета Антона Антоновича Сквознякова была занята одной проблемой — что сделать для привлечения в их старинный город туристов?

Казалось бы, чего тут особо думать — старинный город он старинный город и есть. Всегда наличествуют какие-то допотопные постройки, которые отреставрировать — проще пареной репы. В одной из них можно соорудить общепитовскую точку с интерьером, стилизованным под старину, и меню времен царя Гороха, отшлепать побольше реклам, составить немудреный маршрут и водить по нему экскурсантов...

Все это, разумеется, уже существовало в Теремковске и делало его малоотличимым от других городков такого же калибра. Нет, нужно во что бы то ни стало обнаружить специфическую привлекательность. Чтобы именно из-за нее туристы стремились сюда.

В своих суетливых метаниях Антон Антонович был вовсе не одинок.

С полгода назад в Теремковске по примеру других, более крупных городов возникло историко-патриотическое общество «Равнина».

Возглавляли «Равнину» два коренных теремковца Житков и Насонов — оба низенькие, коротенькие, очень любопытные: чрезвычайно похожи друг на друга. Их фантазии все время натыкались на объективные препятствия. Организовать ярмарку? Торговать нечем. Возродить промыслы? Нет сырья. Ввести в общепитовские меню исконное для этих краев блюдо — карасей в сметане? Исчезли караси (да, кстати, и сметана тоже).

Идиллическое сотрудничество продолжалось до тех пор, пока на одном из очередных заседаний общества Петр Иванович Житков опрометчиво не предложил организовать в Теремковске для привлечения туристов, а также обеспечения их безопасности школу каратэ.

При этих словах Петра Ивановича Насонова буквально-таки передернуло. Не сдержался он и с едва заметной ехидцей обвинил верного соратника в низкопоклонстве перед Западом.

В ответ на чудовищное обвинение Житков вежливо сообщил, что Япония — это Восток. Насонов не менее вежливо попросил не учить его географии, иначе...

Слово за слово — руководители «Равнины» поцапались до такой степени, что уже никак не могли сосуществовать. Имея в этом конфликте по одному стороннику, каждый организовал и возглавил собственную фракцию. В каждой фракции состояло по два человека. Поскольку же в «Равнине» было всего четверо, то она распалась на два историко-патриотических общества — «Высь» и «Глубь».

По получении самостоятельности, между ними сразу возникло здоровое соперничество, они по очереди бегали со своими рационализаторскими предложениями к Сквознякову. Свезти со всего района резные наличники; наладить сувенирное производство детских лаптей; доказать, что именно в Теремковске был создан первый в мире пирожок с повидлом... Эти предложения глава города встречал с холодной душой. Все не устраивало Антона Антоновича.

Трудно сказать, насколько затянулось бы кошмарное томление городского руководства, если бы погожим весенним деньком в кабинет Антона Антоновича не впорхнули Насонов и Бессонов — торопясь и перебивая друг друга, они возбужденно затараторили:

— Чрезвычайное происшествие!

— Неожиданное известие!

— Что? Что такое? — вскинулись все присутствующие. У Сквознякова проходило совещание по поводу приготовлений к одной негласной ревизии из столицы.

С грехом пополам незваных гостей успокоили, усадили, после чего они поведали следующее.

— Мы члены историко-патриотического общества «Высь»,— представился Насонов.

— Хотим реабилитировать историю нашего славного прошлого,— добавил Бессонов.

— Все вы знаете, что в Теремковске чудом сохранилось одно здание старинной постройки, в котором ныне располагается гостиница «Пассаж»... Полтора века назад в этой гостинице останавливался молодой человек недурной наружности в партикулярном платье...

По чуть элегической интонации, на которую пытался перейти Насонов, чувствовалось: он хочет заинтриговать слушателей, потомить их в предвкушении сногсшибательной развязки. Однако нервы у его напарника оказались пожиже, и тот с ходу брякнул:

— Это был Иван Александрович Хлестаков.

— Тот самый, о котором Николай Васильевич Гоголь написал бессмертную пьесу «Ревизор».

— Что вы, господь с вами! Это не он.

— Он! — слаженно закричали активисты «Выси».— Кому же еще быть, как не ему! У него и подорожная была прописана в Саратов. А ехать из Петербурга в Саратовскую область удобнее всего через наш город...

— Николай Васильевич зашифровал это в тексте. Вот, глядите.— Бессонов раскрыл синенький томик.— На девяносто четвертой странице Анна Андреевна говорит: «Ах, какой пассаж!» На девяносто шестой Марья Антоновна тоже говорит: «Ах, какой пассаж!...»

— А между этими страницами Хлестаков говорит: «А она тоже очень аппетитна, очень недурна». Она! То есть гостиница «Пассаж».

— Вы спятили что ли? Это говорится про жену городничего.

— Нет, нет, нет, именно про гостиницу! Современники думали, мол, про Анну Андреевну. Да у Гоголя перед этими словами стоит ремарка — «в сторону». То есть слова предназначены будущим поколениям. Значит, Иван Александрович хвалит гостиницу «Пассаж», в которой останавливался.

— «В пятом нумере под лестницей»,— написал Николай Васильевич. Там теперь по-прежнему пятый.

— Ну, положим. А к чему вы это клоните? — грозно так спросил председатель.

— Как к чему?! — синхронно удивились члены «Выси».— Нужно организовать в гостинице номер-музей Хлестакова. Тогда любители российской словесности в Теремковск валом повалят.

Исполкомовцы ахнули. Еще как повалят! Вот уж кого знают все от мала до велика. Правда, герой литературный. Однако же ставятся памятники Дон-Кихоту и Мегрэ, имеются мемориальные доски на тех домах, в которых якобы жили Эмма Бовари и Шерлок Холмс.

— Вы уверены, что речь идет именно о нашем городе?

— Конечно. У Гоголя так и написано: «Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». И от нас не доедешь. Дороги паршивые.

Последнее бестактное замечание уже не могло остудить возбуждения Антона Антоновича. Глаза его полыхнули фанатичным огнем, невидимая сила приподняла из-за письменного стола, и он бросил клич:

— Едем!

* * *

Вернувшись из своей первой туристической поездки в капстрану, директор гостиницы «Пассаж» Александр Теодорович Пороховой созвал экстренное собрание.

— Я заметил, что во многих зарубежных отелях,— вкрадчивым тоном сообщил он,— жильцы на ночь выставляют обувь в коридор, а утром находят ее вычищенной. Мне кажется, нам следует ввести подобный вид обслуживания и в нашей гостинице.

При этих словах заведующая хозяйственной частью «Пассажа» Любовь Семеновна недоверчиво покачала головой:

— Ой ли! Думаю, за одну ночь мы навряд ли успеем почистить всем ботинки. У нас нет в наличии ни щеток, ни рабочих рук. Предлагаю — в порядке эксперимента — выбрать какой-нибудь одноместный номер, и пусть его жилец попробует оставить на ночь ботинки в коридоре.

После некоторых пререканий все согласились с уточнением завхоза и жеребьевкой выбрали пятый номер. Ключ сейчас у дежурной, значит, жилец отсутствует. Посмотрели по анкетке — Лыжиков Николай Павлович из города Колонска, приехал в командировку на обувную фабрику.

Вскоре по цепочке до директора дошелестело — явился. И вот в пятый номер направилась делегация в составе восьми человек.

Николай Павлович Лыжиков, мужчина предпенсионного возраста, едва успел переодеться и собирался малость передохнуть, как вдруг раздался стук в дверь.

После взаимных представлений директор Пороховой, окинув номер зверским взглядом, произнес:

— Вот вы, понимаете ль, Николай Павлович, поставили свои штиблеты под койку. А мы хотим предложить, чтобы вы выставили их на ночь в коридор. Там эту пару почистят.

Жилец замялся:

— Боязно как-то оставлять их без присмотра.

— Скажете тоже,— усмехнулся Александр Теодорович,— боязно. Добра — пирога. Вон у вас и каблучок стоптан, и мысок надорван, и шнурки с узелками... Да кто на такое барахло позарится?!

— Они мне десять лет верой и правдой служат. А вы называете их барахлом,— обиженно поджал губы Лыжиков.

— А в гостинице сейчас эксперимент. Могли бы поспособствовать нашей перестройке.

— Ладно,— после драматической паузы произнес жилец.— Чтобы не срывать вам эксперимент, я готов выставить в коридор... шлепанцы. Без шлепанцев я еще кое-как обойдусь, а вот ботинки мне пригодятся. Без них на работе появляться неловко.

— Почему неловко? Вы, кажется, на обувную фабрику приехали. Там в случае чего выдадут вам новую пару.

— Нет уж. Лучше босиком ходить, чем носить обувь, выпускаемую вашей фабрикой.

— Так вы еще и нашу фабрику оскорблять взялись! — не выдержала Любовь Семеновна.— За это мы из принципа вычистим ваши ботинки.

Тут несколько человек навалились на Лыжикова, а заведующая хозяйством схватила его туфли и побежала в коридор. После чего остальные экспериментаторы тоже выскочили из номера, заперев снаружи его владельца на ключ.

...Антон Антонович горел желанием как можно быстрее кинуть взор на место будущего паломничества туристов. Поэтому, прежде чем свернуть направо — к директору, он и сопровождающие его Насонов с Бессоновым обогнули лестницу и застыли перед историческим номером по стойке «смирно». На первый взгляд ничего особенного. Дверь покрыта масляной краской цвета беж, которая начисто скрыла ее возраст. Может, она на днях прошла ОТК домостроительного комбината, а возможно, именно по ней стучал тросточкой Хлестаков. Но в любом случае Иван Александрович входил в эту гостиницу, огибал эту лестницу и приближался к пятому номеру, где его ждал преданный Осип. Наверное, тот говорил барину при встрече...

— Эй, друг, спрячь мои башмаки у себя в номере!

Только тут, услышав из замочной скважины голос, Антон Антонович обратил внимание на стоящую слева от дверей пару мужских ботинок.

— Почему вы не держите обувь в собственном номере? — строго поинтересовался он.

— Меня заперли, чтобы ночью их вычистить.

«Здесь остановился сумасшедший»,— решил Сквозняков с присущей председателям горсоветов прозорливостью. Однако в этот момент появилась дежурная по этажу, которая принесла сапожную щетку и гуталин.

Тут неожиданно выяснилось, что Антон Антонович страшно далек от народа — дежурная не знала главу города в лицо и разговаривала с ним, как с обычным посетителем, то есть грубо. Во-первых, дежурная не согласилась объяснить причину запертой двери. Во-вторых, она принесла черный гуталин, а туфли у жильца пятого номера оказались коричневыми. Зато черные туфли красовались на ногах Антона Антоновича. И когда он попросил почистить ему обувь, дежурная отказалась, заявив, мол, сейчас не ночь.

* * *

Едва Машенька Сквознякова с грехом пополам закончила школу, ее мать Анна Андреевна начала вести разговоры о выборе профессии.

— Приличнее всего учиться на филологическом отделении университета,— утверждала Анна Андреевна,— на зарубежной филологии.

— Фи, маменька, филология мне совсем не нравится. И Буриданова учится на филологическом, и дочь Хлебобулатова тоже. Нет, лучше я поступлю в театральный. На актерское отделение.

— Театральный! — Мать закатывала глаза, словно Мария Магдалина на картине Тициана.— С ума сойти! Право, говоришь лишь бы только наперекор. Я очень люблю сцену и сама поступала в ГИТИС. Но у тебя нет драматического таланта.

— Это у тебя нет. Поэтому ты и не поступила.

— У меня нет?!

— Нет! Я что угодно даю, нет: для артистки нужно, чтобы глаза были совсем темные.

— Вот хорошо, а у меня глаза разве не темные?

— У тебя васильковые.

— Как же не темные, когда я вовсе без косметики обхожусь.

— Ах, маменька, как раз при таких малюсеньких глазках любого цвета необходима косметика.

— Пустяки, совершенные пустяки. У меня всю жизнь были такие большие глаза, что мне даже в кино предлагали сниматься...

Здесь речь Анны Андреевны становилась несколько сумбурной. Она как бы намекала на грешки молодости, о которых не следует знать подрастающему поколению. Если же расшифровать ее слова до конца, то следовало бы сказать, что, когда она была юной студенткой экономико-статистического института, сосед по общежитию, пытаясь соблазнить младую деву, в порыве страсти называя ее красавицей, утверждал, мол, ей с такой внешностью только в кино сниматься...

Других предложений сниматься в кино у Анны Андреевны отродясь не было.

Сейчас жена председателя горсовета являлась провинциальной кокеткой, воспитанной вполовину на телевизоре, вполовину — на телефоне. Берет иногда власть над мужем, потому только, что тот не находит времени отвечать ей. Но власть эта распространяется лишь на мелочи — определение места строительства новых кинотеатров или жилых домов, выбор городов-побратимов. Если же речь идет о вещах серьезных, например, как провести выходной день, тут авторитет Антона Антоновича неколебим. Судьбу дочери он решил практически единолично — устроил ее в исполкомовскую канцелярию.

* * *

Вот ведь в чем заключалась тайна Анны Андреевны — она по большей части находилась дома и тем не менее первая узнавала все городские новости. Сквозняков еще только подъезжал к гостинице, а его жена уже знала, что готовится открытие музея.

Анна Андреевна тут же начала трезвонить во все концы: что за музей?

Прошел целый час. Картина оставалась туманной. Некоторую ясность внес Петр Иванович Бессонов. Сквознякова заметила его спешащим через двор, а он как раз хотел заглянуть на огонек.

— Ну, что за музей? — начала дергать гостя Анна Андреевна, едва тот появился на пороге.— Зоологический?

— Нет, не зоологический, а не уступит зоологическому. Он как бы исторический и литературный. В нем ревизор останавливался.

И пока Бессонов рассказывает о том, что внимательным читателям более или менее известно, мы тем временем объясним, почему вдруг Петр Иванович очутился в сквозняковской квартире один.

А произошло следующее.

После того как Сквозняков и Пороховой удалились в директорские апартаменты обсуждать возникшие проблемы, оба самородка-краеведа с чувством одержанной победы покинули «Пассаж».

На улице Бессонов сказал:

— Приятный музейчик получится!

— А я от него просто без памяти. Поэтому, я заметил, Антон Антонович все на меня поглядывал — наверное, хочет, чтобы я возглавил музей.

— Ах, Петр Иванович, он на меня глядел.

— Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! Нельзя да и полно! — От возмущения Бессонов даже остановился посреди улицы.— Чего ради ему смотреть на вас? Какой из вас директор музея?

— А я говорю — смотрел! Как начал говорить о литературе, то взглянул на меня...

— Это он от удивления — что вы тут торчите, когда речь зашла о литературе?!

— Нет, Антон Антонович искал у меня моральной поддержки. Не обращаться же ему к человеку, который даже «Ревизора» не читал.

— Кто?! Я не читал? — Чтобы не задохнуться от возмущения, Бессонов ослабил узел галстука.— Да я, если хотите знать, не то что читал, я даже два раза в театре смотрел. А вы не то что в театре — в музее никаком отродясь не были, гривенника за билет жалко.

Слово за слово, и друзья повздорили, после чего разошлись, как в море корабли. Насонов вернулся в гостиницу, чтобы перехватить Антона Антоновича и предложить ему свою кандидатуру на директорский пост. Более мудрый Бессонов направился с этой же целью к сквозняковской супруге. Итак...

— Имеете ли вы чего-нибудь сказать мне еще? — поинтересовалась та, выслушав бессоновский репортаж о посещении гостиницы и запертом пятом номере.

— Я прошу вас покорнейше, когда будете в горсовете, скажите всем там сотрудникам и мужу своему Антону Антоновичу скажите: вот живет в нашем городе Петр Иванович Бессонов. Хорошо бы назначить его директором нового музея.

Анна Андреевна клятвенно заверила гостя в полном к нему благорасположении и поддержке его кандидатуры на руководящую должность.

Поблагодарив ее, Бессонов сказал:

— Ежели признаться пред вами, конечно, для пользы отечества я должен это сделать, мой приятель Насонов поведения самого предосудительного. У нас есть председатель горсуда Буриданов, и как только этот председатель куда-нибудь выйдет из дому, то Петр Иваныч там уже и сидит у жены его, я присягнуть готов...

В это самое время, примерно в таких же выражениях, Петр Иванович Насонов уговаривал Сквознякова назначить его директором нового музея, при этом поливая грязью соратника по обществу «Высь».

* * *

«Черт побери, скука такая, что одуреть можно. Вот не дотяну до пенсии, да и только, что ты прикажешь делать — тридцать шесть годков осталось без малого. Не поступила вовремя в ГИТИС или ВГИК, теперь торчи здесь. Эй, Машенька, разошлите, пожалуйста, приглашения директорам детских садов на совещание, да попросите не опаздывать... Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь сплошная болтовня. Посидят, пожрут кофе с бутербродами на халяву — вот и весь результат. А дети как болели, так и будут болеть... Ах, Боже ты мой, хоть бы место поприличнее подвернулось. Кажись, так бы теперь бежала отсюда без оглядки...»

Так думала младая дева, сидя на работе и по пути домой, который она проделывала ввиду полной близости пешком. А вернувшись сегодня, услышала разговор родителей про новый музей, и сердце Машеньки сразу затрепетало — уйду туда.

Машенька уже не первый раз прозрачно намекала отцу — пора пристроить ее на более престижную работу. И всякий раз слышала ответ:

— Погоди. Эта работа не для тебя.

— Вздор. Как же другие работают, а я не работаю? Разве они не такие же люди, как и я?

— Да уж известно, что не такие,— вздыхал отец.

— Какие же?

— Обыкновенно какие! Они высшее образование имеют.

Довод крепкий. Без диплома нынче сложновато. Однако на этот раз Антон Антонович интуитивно почувствовал, что для должности директора музея образования не требуется.

— Но, Антоша, нынче подобное самоуправство не в духе времени,— остерегла его супруга.

— Не могу же я в горсовете предлагать кандидатуру собственной дочери. Мне проще назначить ее втихаря.

— А ты сделай, идя навстречу пожеланиям трудящихся,— посоветовала жена.— Попроси Порохового, что он самолично предложил Машеньке эту должность...

* * *

— Сейчас выяснилось, что в нашем городе останавливался Иван Александрович Хлестаков,— рассказывала через несколько дней Машенька сгрудившимся вокруг нее в курилке сослуживицам, по большей части таким же сопливым девчонкам.— Известны гостиница и номер, где он проживал. Там скоро будет музей. А что самое главное для музея? Главное — найти директора. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие находились охотники и брались, но подойдут, бывало, нет, мудрено. Видят, нечего делать — ко мне, прямо домой. «Марья Антоновна, ступайте музеем управлять!» Я, признаюсь, немного смутилась, вышла в халате, волосы не уложены. Хотела отказаться, но думаю, дойдет до обкома, ну да и должность номенклатурная тоже...

С утра Анна Андреевна висела на телефоне — сегодня знакомые поздравляли Машеньку с назначением на должность.

Председатель горсуда Ратмир Федорович Буриданов закричал:

— Верить ли слухам, Анна Андреевна? К вам привалило необыкновенное счастье! Виват!

— Имею честь поздравить с необыкновенным счастьем,— журчал зав. горздравотделом Хлебобулатов.

Зав. гороно Луку Лукича Дюжина от счастья за Машеньку вообще чуть было удар не хватил. Поэтому к Сквозняковой-старшей примчалась его жена.

— Поздравляю вас, Анна Андреевна! — Они по-дружески облобызались.— А я так, право, обрадовалась — говорят мне: «Дочка Антона Антоновича назначена директором музея Хлестакова».— «Ах, боже мой!» — думаю себе и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик, вот какое счастье Сквозняковым — такую дочь воспитали».

Аналогичные слова говорились и Сквознякову. Передав свои поздравления родителям, многие для страховки направлялись поприветствовать директора нового музея лично. Насонов и Бессонов — такие единомышленники, что, не сговариваясь, в одно время надумали идти в канцелярию, где последние деньки работала Машенька. Поэтому они нос к носу столкнулись возле входа. Но продолжать дуться теперь глупо — обоих обштопала эта мерзавка. Общее фиаско вновь сплотило их, и друзья стали выражать Машеньке свои чувства.

— Душевно поздравляю вас с благополучным назначением,— затараторил Насонов.— Вот подлинно, судьба уж так вела.

— Как я рад вашему счастью! — вступил Бессонов.— Вы не можете себе представить.

— Уверен, вы добьетесь больших успехов.

— В президиумах будете сидеть.

Машенька едва успевала благодарить — так быстро барабанили свои поздравления новые друзья. Да и сами они смогли перевести дух, лишь очутившись на улице.

— Эдакой свинье лезет всегда в рот счастье! — раздельно произнес Насонов.

— Чтоб она пропала!

— Такая и в зав. отделом культуры пролезет. С нее станется. Чтоб она для этого музея экспонатов не нашла!

— И посетители туда не ходили!

* * *

Стремления свежеиспеченного директора полностью совпадали с услышанными ею насоновско-бессоновскими пожеланиями и были в аккурат противоположны тем, которые они высказали на улице. Хотя Машенька выросла в семье руководящего работника, она отнюдь не была лишена сообразительности. Начала почитывать литературу по музейному делу. Вскоре слегка соображала, как формировать экспозицию, проводить сменные выставки. Сюда же приплетались проблемы стройматериалов, сроков, качества... Спасибо Сквознякову: очень интересовался становлением своего детища — так сейчас называл не Машу — музей. Хотелось получить благожелательный резонанс в прессе, остаться на скрижалях, чтобы имя его всегда ассоциировалось с мемориальным номером Хлестакова, как имя Помпиду навечно связано с Культурным центром в Париже. Он попросил дочку связаться с приличным журналистом.

Инициативу перехватила присутствовавшая при разговоре мать.

— Помнишь, Антоша,— небрежно сказала она,— с нами на райкомовской даче отдыхал Альфонс Васильевич Ляпичкин. Он, кажется, пописывает статейки. Что если мне звякнуть ему?

— Можно и Ляпичкину,— милостиво кивнул муж.

Напрасно, ох, напрасно Машенька скептически отзывалась об артистических способностях Анны Андреевны. С каким равнодушием произнесла та имя некоего Ляпичкина. А между тем — сердце так и запрыгало. Неужели подвернулся повод обратиться к Альфику, услышать голос, увидеть — вот это мужчина! Как раз тогда Антошу вызвали в город, он с Ляпичкиным толком не виделся. Зато она знает не только, что тот пописывает статейки. Много занятного из своей жизни рассказал журналист ей, когда химическая завивка Анны Андреевны покоилась на его мохнатой груди.

(Продолжение следует.)

Жених пишет завещание

Андрей ВАВРА, специальный корреспондент Крокодила

РАЙКОМ ПОСТАНОВЛЯЕТ: ГОРЬКО!

Еще недавно никого не удивлял партработник, зорким оком озиравшийся окрест: все ли сферы жизни достаточно охвачены партийным вниманием и заботой? Не допущено ли где каких нарушений или отставаний? Сомнения, что ему положено видеть не только дальше, но и глубже, если у кого и возникали, то не высказывались.

Предполагалось: вовремя сделанная партийная подсказка дает резкий скачок в урожайности и удойности, непременно сказывается на качестве выпускаемых подшипников, помогает нефтяникам затоваривать страну нефтью, а шахтерам — заваливать ее углем. Не было такого дела, в которое партработник не готов был вмешаться — просветить, подсказать, подтолкнуть, вразумить, поправить и отчитать...

И даже личную жизнь граждан не обходили своим вниманием и заботой партийные органы.

Эта история случилась в городе Рязани. Двое пожилых людей, пенсионеров — Василий Алексеевич Тишкин и Александра Петровна Гордеева — прониклись друг к другу симпатией. Про шекспировские страсти не скажу — не знаю. Но в гости она к нему заходила. Также ездила на его дачу — помогала сажать и окучивать. А в остальном проживали отдельно и вполне самостоятельно. Выражаясь юридическим языком, «совместного хозяйства они не вели».

Однако вскоре решили официально оформить свои отношения. Регистрация брака состоялась 14 сентября. А в ночь на 15-е муж скончался...

И вовсе не оттого, что не смог пережить радости по поводу столь торжественного в своей жизни события. А просто был смертельно болен и к тому моменту уже больше месяца находился в клинике. А в последнее время даже и не вставал с койки. Отчего церемонию пришлось проводить в больничной палате.

На ней присутствовала не числившаяся в друзьях молодоженов заведующая отделом агитации и пропаганды Октябрьского райкома Рязани. В этот торжественный день жениха посетил и поздравил первый секретарь райкома В. С. Работкин. Но, понятно, воздержался от традиционных пожеланий долгой и счастливой семейной жизни.

В тот момент он, наверное, еще не думал, что лучше ему было воздержаться и от всего остального. Это понимание пришло к нему несколько позже, когда его вызвали в суд в качестве свидетеля.

После смерти Тишкина всполошилась его дочь Л. Марцинкевич, до этого не сильно докучавшая ему своей заботой и вниманием. Прибыв в Рязань накануне похорон, она обнаружила, что осталась не только без отца, но и без всяких прав на родительские пылесос и телевизор. Все имущество досталось Гордеевой. И дочка обратилась с иском в суд — оспаривать законность брака и завещания.

— Отца охмурили и окрутили, чтоб завладеть имуществом! — заявила она.

И суд стал разбираться, имелся ли охмуреж и окрутеж. Перво-наперво запросили врачей: был ли жених вменяем, когда писал завещание и заявление в загс. Врачи подтвердили: по объективным медицинским показателям — да, был. Но свидетели настойчиво твердили: как у Тишкина становилось со здоровьем получше, так он сразу начинал упираться. Соседи вспомнили, как однажды с горечью пожаловалась им Гордеева:

— Третий раз подгоняю машину везти его в загс, а он ни в какую!..

А знакомый Тишкина, навестивший его в больнице, свидетельствует, что, разговаривая с ним, больной сказал:

— Вася, мне лучше умереть. Они меня заставляют регистрироваться, а я не хочу...

Действительно, странная складывается картина: как у Тишкина сознание болезнью замутняется, так он сразу — или завещать, или жениться.

Вот что, например, написано в его истории болезни. 29 августа (составляет завещание на машину): «Состояние средней тяжести, сделали переливание крови». 11 сентября (делает завещание на имущество): «Состояние близко к тяжелому, резкая слабость, головокружение». 12 сентября (подает заявление в загс): «Состояние близко к тяжелому, отказывается от еды, появилась икота». 13 сентября (завещает гараж): «Состояние прогрессивно ухудшается». 14 сентября (день бракосочетания): «Состояние крайне тяжелое, больной вялый, заторможенный, на вопросы отвечает не всегда»...

Гордеева же, наоборот, продемонстрировала большую ясность ума. На следующий день после похорон она сняла с его книжки 6 тысяч — весь вклад. А для чего понадобилось сразу так много, на суде не смогла внятно объяснить.

Не совсем понятно и то, что произошло с вещами в квартире Тишкина. Насчет них всполошилась дочка — кто квартиру обчистил? Где холодильник, телевизор, плюшевое австрийское покрывало, два настенных и один напольный ковры, пылесос, стиральная машина, статуэтка «Нимфа с двумя оленями», мясорубка, «История Отечественной войны» и т. д. и т. п.? А вот супруга, которой вещи и были завещаны, проявила в данном вопросе удивительное хладнокровие:

— Знать не знаю куда что делось! А кстати, нимфа эта была с отбитой головой — нечего напраслину возводить!

Опять же соседи показали: еще как знает Гордеева! В первые же дни ее вдовства видели, как она выходила из подъезда с тюками. Тогда же видели, как по лестнице спускался ее сын с двумя корзинами, из которых торчали книги и мясорубка. Видели соседи, как сыновья Гордеевой упаковывали в багажник машины телевизор, а на крышу привязывали холодильник.

— Холодильник действительно забирали,— сказал на суде сын Гордеевой.— Но в ремонт. А потом отвезли матушке домой.

На суде опрошены уже десятки свидетелей — родных и близких, соседей по дому и по палате, врачей, медсестер, вплоть до мастера, чинившего Тишкину холодильник. А кроме экспертизы врачей, потребовалась еще экспертиза графологов: самостоятельно ли писал завещания.

А теперь о роли партработников в этой истории. Конечно, ничего противозаконного не было в том, что в связи с особыми обстоятельствами жених и невеста просили максимально сократить им испытательный срок. Вполне законно было и то, что подали они заявление в загс не по месту жительства. Закон и это дозволяет. Проблемы были не со стороны закона — со стороны здоровья жениха. Малейшая задержка с регистрацией, и рушилась мечта о замужестве! Ведь счет его земной жизни шел даже не на дни — на часы...

Куда обращаются люди в совсем уж пиковых ситуациях? Верующие — к Богу. Атеисты же начинают писать в ЦК. Или в обком. А если вопрос совсем уж горячий, бегут в райком. Гордеева заявилась к Работкину даже домой.

— Помогите! Помогите нам максимально быстро заключить брак! Распорядитесь, чтоб в загсе нам дали зеленый свет! Василий Алексеевич хоть и очень плох, но твердо намерен. Помогите — ведь вы к тому же в свое время были с ним сослуживцами!

Когда судья поинтересовалась, зачем он ввязался в это дело, В. Работкин заявил:

— Я выполнял последнюю волю умирающего...

Что тут скажешь? Только одно — очень даже благородно и гуманно поступил первый секретарь. А именно, дал указание провести свое решение в жизнь. Конкретным исполнителем назначил заведующую отделом агитации и пропаганды. И та стала добросовестно исполнять. В смысле, связалась с загсом. В загсе по привычке козырнули и начали выполнять решение райкома. А заведующая отделом присутствовала на церемонии, чтоб лично проконтролировать и доложить об успешном выполнении порученного.

Не знаю, уютно ли было ей на бракосочетании совершенно чужих и незнакомых людей. Но, согласитесь, в эту скорбно-торжественную церемонию ее участие внесло какие-то фарсовые интонации.

А после кончины Тишкина началось совсем уж Бог знает что — отчаянная дележка имущества на могиле усопшего. И оттого вмешательство райкома в эту историю больше уже никому не приходило в голову назвать гуманным и благородным.

В пересказе зевак, любителей посидеть на судебных заседаниях, история уже звучала так: первый секретарь райкома помог Гордеевой обвести вокруг пальца и обобрать беспомощного умирающего старика!

Так и стали говорить: во всей этой истории виноват секретарь райкома.

Нынче-то Василий Сергеевич Работкин и сам не рад, что ввязался. Сегодня, ознакомившись с делом, он уже не чувствует стопроцентной уверенности в чистоте помыслов невесты. Более того, склонен полагать, что материальные интересы тут преобладали.

Да, трудно партработнику расставаться с привычным убеждением, что нет дела на его территории вне партийной компетенции! Василий Сергеевич, видимо, и в мыслях не держал, что где-то и кто-то может обойтись без его руководящих и направляющих указаний. Что могут существовать сферы жизни, в которые партийному секретарю встревать не следует.

Понятно желание партийных руководителей принимать активное участие в жизни общества. Но не стоит так буквально это понимать. А то ведь сегодня просят посодействовать с браком, а завтра, глядишь, станут просить помочь, чтоб акушер быстрее принял роды, зубной врач вставил побольше зубов. Или чтоб могильщик поглубже закопал...

г. Рязань.

Со стр. 1.

КОРРЕСПОНДЕНТ КРОКОДИЛА — ПЕРВЫЙ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Это стряслось над верховьем Нижней Тунгуски. Столкнулись два НЛО. Но не разбились, а рассмеялись. При этом из них, смеясь же, выпали два гуманоида. Плюхнувшись в верховье, они объяснили корреспонденту, что смеются оттого, что они веселые. Отсмеявшись, гуманоиды немедленно принялись спорить, сколько стоит крокодильская подписка на второй квартал. Тот, что о четырех ушах, утверждал: 5,76. Троеносый его опровергал: нет, 7,65.

Снисходительно выслушав обе стороны, корреспондент порадовал их верными цифрами: 6,75. «Но помните,— добавил он,— оформить подписку нужно заблаговременно».

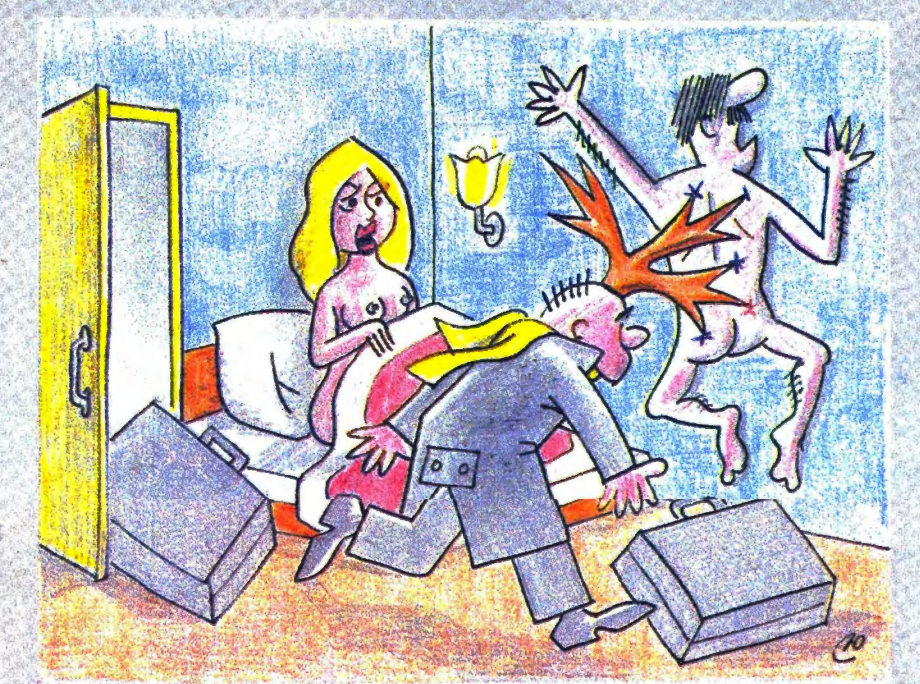
Дорогие земляне! Не отставайте от гуманоидов!

КоопЭРОТив для узкого круга

И. НОВИКОВ, Р. ДРУКМАН (тема).

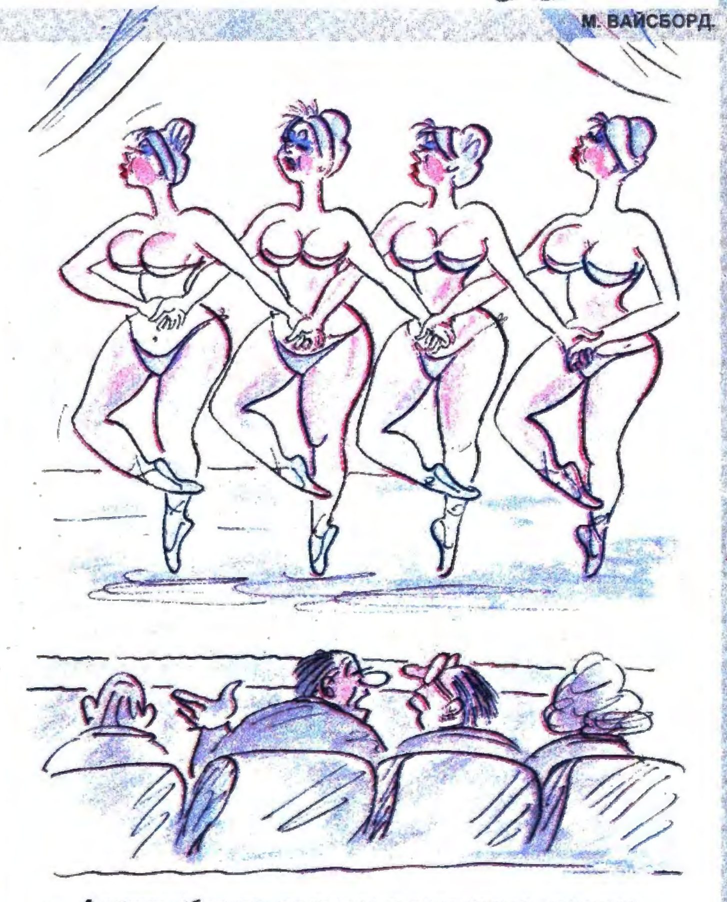
Ю. СТЕПАНОВ.

В. ЛУГОВКИН.

М. ВАЙСБОРД.

— А пачки обещали подвезти в следующем квартале.

Р. ДРУКМАН.

Я не курю, не ем, не пью...
Я на подписочку коплю!
И на тебя уж накопил
Назло невзгодам, Крокодил!

П. ОБЛЕТОВ, пенсионер,
г. Москва.

Дружище Крокодил, продолжай смешить читателей, и хоть сейчас мне в пору заплакать (ты подорожал, а зарплата моя осталась прежней), но, надеюсь, мы еще посмеемся! Я не уставал восхищаться рисунками Семенова, Добровольского, Огородникова, Ефимова, супругов Караваевых, Битного, Тильмана, Теслера... Фельетонами твоих спецкоров. Публикации Витальева («Амурские войны») мы передавали из рук в руки, как солженицынский «Один день Ивана Денисовича» во времена опалы писателя.

Ты всегда был искренним другом рядовым читателям, предоставляя свои полосы для выражения их чувств. Придумывал рубрики, викторины для острословов-любителей. Мне запомнились КСЭ («Крокодильская сатирическая энциклопедия»), «Трусцой на Парнас». В годы застоя, сейчас именуемые годами расцвета, тебя, дорогой друг, я представлял форточкой в зашторенном окне гласности и при случае доказывал друзьям, что ты единственный в стране печатный орган, достойный выноса в свое название слова «правда».

В. ПОЛИЦИНСКИЙ,
г. Кола Мурманской области.

Я из недоморенных в 30-е годы украинцев. Смотрела по телевизору, как на моей родине насыпали холм скорби, и плакала, по сердцу кровавые потоки текли. Прошлое стараюсь не вспоминать. И очень помогает мне держаться «Крокодил». Читала, как Казанцева оболгали в гостинице, как Моралевич в «Тула, Тула, Тула я, Тула — родина моя» борется за попранную честь Кузьменко... Чувствую, какая ответственность ложится на плечи крокодильских спецкоров и сколько испытывают они вражды. А наши партийцы, привычно расставив сети, рыбу ловят без труда. Обидно. Но буду ждать мой журнал.

И. ЛУНИНА,
г. Борисов.

Мы уже пожилые люди, нам мясо и жиры противопоказаны, поэтому добровольно переходим на диету — только бы не расстаться с тобой!

Супруги БРЕДУН,
г. Шахтинск
Карагандинской области.

КРОКОДИЛЬСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

(четвертый раунд)

Не могла промолчать, когда увидела дружеский шарж на Юрия Соломина, автор И. Лососинов. Ничего схожего! Ни капелюшечки! Пусть товарищ Лососинов будет посерьезнее. Пусть он переделает Соломина.

А. ЗАХАРОВА,
г. Пятигорск.

Осмеливаюсь подать идею: экранизировать или на худой конец проиллюстрировать пушкинскую «Гаврилиаду». С одной стороны, это классика. С другой — в ней есть все, необходимое современной остросюжетной ленте: мятущаяся, неудовлетворенная молодая особа, уйма секса, захватывающий поединок... А какие творческие дискуссии развернутся вокруг этого произведения! В случае принятия идеи гонорар переведите на мой расчетный счет.

В. БАЛАШОВ,
Дальнегорск Приморского края.

Ты, Крокодил, храбро боролся со всем, что мешало нам жить, а я честно работал, ожидая, что жизнь будет краше и богаче. Но пока, как видно, зло нас победило: жить мы не стали лучше, страна у разбитого корыта. Я, рабочий, оказался на пороге нищеты. Верил в перестройку, не делая никаких запасов, а в магазинах сейчас нет даже трусов, не говоря уже о брюках, холодильниках, телевизорах... Скопленные кое-как для двух дочерей деньги — по 2 тысячи рублей — если уже не оказались, то окажутся пустыми бумажками. А по талонам дают на месяц по 300 граммов масла и по 17 граммов крупы на день... И возраст мой предпенсионный.

Остаток жизни буду перечитывать «Крокодил» прошлых лет — за 31 год сохранил все до единого номера!

К. СОСНИН,
Архангельская область.

42 года являюсь твоим подписчиком. Переплел все номера за 30 лет.

В. КУЧУМОВ,
г. Ковров.

Крокодил! Посодействуй, чтоб по телевидению крупным планом показали ходовую сейчас валюту — доллары. Сейчас много говорят о конвертируемой валюте, за которую можно купить все, а мы никогда ее и не видели.

Г. ПРОНИНА,
Кемеровская область.

Крокодилу не надо складывать в архив не вошедшие в номера юмористические сочинения, а издавать их отдельным альманахом и торговать этой продукцией на нашем и зарубежном рынках. Доход будет! Окупятся затраты на издание и самого «Крокодила».

П. ГУКАНОВ, пенсионер,
бывший ударник комтруда,
г. Ставрополь.

Вот уже почти двадцать лет вырезаю из «Крокодила» самое «солененькое» и делаю альбом (сейчас он уже в двух томах). Гостей обязательно потчую этой забавой. И скажу вам, это не только забава...

А. ПРОСКУРЕНКО,
г. Москва.

Посылаю тебе, Крокодил, свою пенсионерскую благодарность за твою помощь: деньги за куртку с Ереванского ГУМа получил. (Письмо читателя о купленной в Ереване бракованной куртке редакцией было направлено дирекции ГУМа.— **Ред.**) Пусть твои вилы никогда не гнутся, потому что и сам ты, и вилы твои очень нужны людям в нашей неспокойной сейчас жизни.

З. УЛАНОВ,
г. Днепродзержинск.

ТУРАНДОТ

— Милая принцесса, вы слышите, часы бьют двенадцать. Поздравляю, поздравляю вас с Новым го...

— Калаф, не переутомились ли вы, референтствуя в рубрике имени меня? Часы бьют, так сказать, рабочий полдень, и новый, и старый новый год мы с вами давным-давно встретили, стол не праздничный, а письменный, и на нем не бокалы с шампанским, а гора ответов на загадки из № 29 старого-старого года...

— Но год нашей рубрики — новый.

— Боже, какая я рассеянная! Конечно, и новые читатели, и новые загадки. Принимаю ваши поздравления, принц, и, в свою очередь, поздравляю всех эрудитов. И моего референта, разумеется. А теперь — за работу.

— Начнем с докучной каверзности I степени: «Жили-были два павлина, вот и сказки половина. Жили-были два гуся, вот и сказка вся».

— Но почему вы, Калаф, называете эту озорную мини-сказочку докучной?

— Потому что вместе с Р. В. Печенкиным из Куйбышева, В. Н. Петровой из Новосибирска, В. М. Фокиным из Калуги, семьей Золотаревых из Мурманска и еще пятьюдесятью двумя читателями, начислившими себе по три балла, считаю: ироничное название подобных забавных сказочек — «докучные» — очень удачно. Ждешь длинной, занудливой истории, а она оказывается короткой и смешной. Смешной еще и из-за названия.

Об этом, кстати, говорится в сборнике «Потешки. Считалки. Небылицы» московского издательства «Современник».

— Хорошую загадку загадал А. Анисенко из Кузнецка.

— Ваше высочество, он же придумал и остальные каверзности этого номера. Вот — шестибалльная, об экономном интенданте, не подавшем на праздничный стол ничего, кроме пяти килек — «по числу ожидаемых» гостей.

— О, я помню, как Бремзенбургу-фон-Экштадту не досталось на этом пиру ни одной рыбки!

— Помилуйте, принцесса, как же вы можете это помнить, если автор данного «гисторического материала» — Федот Кузьмич Прутков, по свидетельству его внука Козьмы, родился в 1720 году? Вы слишком молоды и родовиты, чтобы водить компанию с «гисторическими» австрийскими интендантами!

— Ха! Просто я вместе с М. И. Меркуловой из Владивостока, З. Берц и Ж. Б. Харычевой из Москвы, В. К. Серковым из Душанбе и другими ста двадцатью шестибалльниками очень люблю бессмертную фантазию озорных мистификаторов — родных братцев Жемчужниковых и их кузена А. К. Толстого. А что у нас с каверзностью III степени? По-моему, в ней тоже упомянут Козьма. Или Косьма?

— Процитирую ответ Д. А. Чердакова из Высоковска Московской области: «Жалоба на нехватку, но рекламу калош промелькнула в рассказе А. Аверченко «Косьма Медичис».

Кстати, как оказалось затем, это была всего лишь картина, продаваемая хозяином «художественно-комиссионного магазина». И уж очень созвучна нашей действительности фраза: «Раз наступает такая дикариная жизнь, что скоро будем ходить голыми, то для украшения наших вигвамов хорош будет и юркий господин, сующий под нос обязательно сверкающую калошу».

— Чистые девять баллов! Их заслуженно начислили себе и М. Найденко из Свердловска, и В. Прут из Нарвы, и семья Фединых из Киева, и еще пятнадцать эрудитов.

— Жаль, принцесса, что на сей раз нет абсолютных чемпионов, отгадавших все три каверзности.

— Нет — значит, будут. Потому что я отобрала из почты новые

ЗАГАДКИ

Каверзность I степени

В каком году происходят события комедии, фигурирующей в остальных каверзностях?

(3 балла.)
СОКОЛОВ, г. Москва.

Каверзность II степени

Неужели автор «Женитьбы Фигаро», «Роберта-Дьявола», «Нормы» и «Юрия Милославского» — один человек? Может быть, вы знаете его литературный псевдоним? А настоящую фамилию?

(6 баллов.)
И. АКУЛИЧ, г. Минск.

Каверзность III степени

«Артемий Филиппович. Имею честь поздравить Антона Семеновича с необыкновенным счастьем...

Растаковский. Антона Семеновича поздравляю...

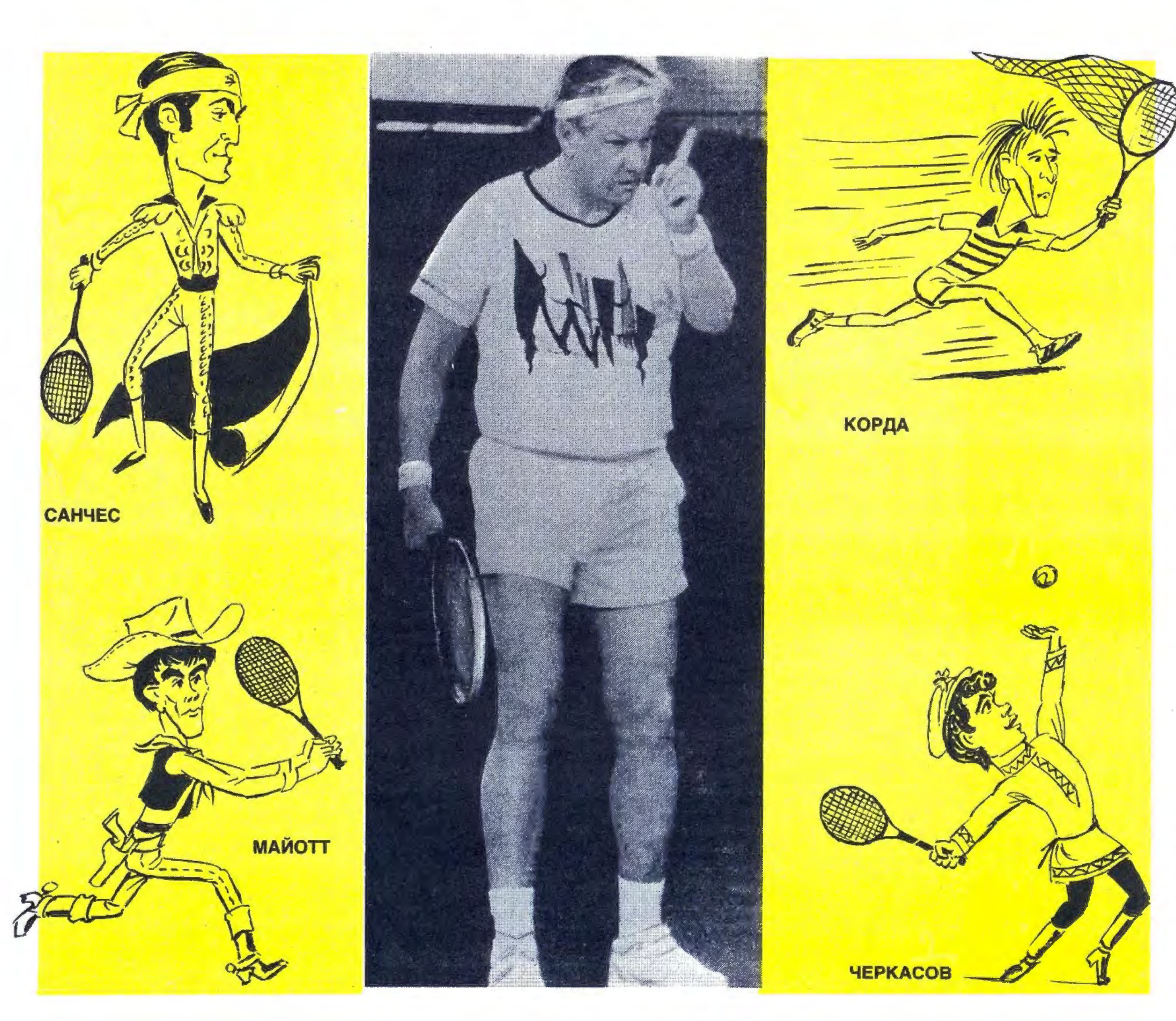
Коробкин. Имею честь поздравить Антона Семеновича».

Но почему Антон Семенович? Ведь персонаж — Антон Антонович!

(9 баллов.)
Л. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, г. Минск.

См. стр. 2.

МОЛОДОЕ ВИНО ИЗ «КРЕМЛЕВСКОЙ ЧАШИ»

Автор был свидетелем того, как, доставая трудный мяч, Эмилио Санчес, игравший в паре со своим соотечественником Касалем, столкнулся с дружинником, прогуливавшимся рядом с кортом. Раздалась гневная тирада... дружинника, смысл которой — «куда прешься, козел!».

Стражу порядка было даже невдомек, что испанец и не ожидал с ним встретиться в двух метрах от площадки. Слегка оторопев, Эмиль пробормотал «сорри» и пошел на подачу.

На мой взгляд, если уж мы хотим проводить турниры из серии «Гран-при», то нам надо учиться и культуре поведения на них. Хотя бы по телевизору у англичан на Уимблдоне.

АУТ*

Метрдотель Энцо обожает свою профессию. Гранд своего дела, живет в Асконе и обслуживает пятизвездные гранд-отели самых фешенебельных горнолыжных курортов мира — Сент-Морица и Асконы.

Приглашен он был командовать парадом в ресторан для особо почетных гостей фирмы «Байер». Изысканные блюда, тщательно подобранные вина, шведский стол обошлись фирме в 75 долларов за куверт.

Узнав, что я из советского аналога швейцарского юмористического «Небесшпалтена», Энцо в сердцах пожаловался:

— Это невыносимо! В качестве гарсонов, барменов, помощников и кухонной челяди нам дали, о мой Бог, студентов московской школы официантов и молодняк из нескольких ресторанов. Нет, никогда вам не быть Швейцарией!

Мэтр из Тичино слишком воспитан, чтобы исповедоваться и жаловаться сатирическому журналу. Но кое-что выведать все-таки удалось.

Молодые люди, призванные помогать бригаде из шести швейцарцев с Энцо во главе, оказались... несунами! Тащили, не стесняясь, пиво — коробками, виски — бутылками, икру — банками. Утащив, начинали заниматься бизнесом помельче: то отнюдь не почетного «друга-подружку» проведут, то вино-водку недольют. Чем несуны не занимались, так это своими прямыми обязанностями. Они могли часами болтать при неубранных столах, не обращать внимания на знаки клиентов.

— Я израсходовал за неделю в Москве свой полугодовой запас терпения и выдержки. Я думал, что ученики-официанты смогут перенять у нас опыт. Увы! Хорошо еще, что в нас самих оказался иммунитет против их «опыта». Так что если меня и на будущий год пригласят обслуживать «Кубок Кремля», то всю бригаду я целиком возьму из Швейцарии.

* Аут!

ТАЙ-БРЕЙК*

На всех пресс-конференциях Крокодил задавал участникам один и тот же вопрос: «Случилось ли что-нибудь смешное или забавное во время вашего пребывания в Москве?»

Чаще всего ответ был отрицательный.

Санчес и Гомеш, не сговариваясь, ответили, что профессионалам от тенниса не до забав.

— Это любимый, но тяжкий труд,— вздохнув, сказал испанец.

А эквадорец признался:

— Система очков, принятая ныне, позволяет зарабатывать, но не дает развлекаться и отдыхать.

Впрочем, Гомеш, несмотря на несколько бронебойный вид, оказался вполне остроумным и, выбыв после первой же игры, на вопрос нашего журнала, кто, на его взгляд, победит, ответил:

— Один из шестнадцати оставшихся.

Но вот кто приятно удивил, так это Дэвид Уитон — высокий блондин из Миннесоты, он оказался весьма общительным балагуром, да еще и коллекционером необычных историй, которые с ним случаются в разных странах. Из Москвы он увозит такой эпизод. Прогуливаясь в свободный от игр день по Арбату, Дэвид вдруг заметил человека, очень похожего на Чеснокова, и окликнул его. Тот отозвался, и надо же — голос тоже оказался чесноковским. Но вдруг «Чесноков» распахнул плащ, на полах которого оказались всякие валютные сувениры: серпасто-молоткастые часы, брелоки, значки, какие-то книжки, открытки.

Дэвид, смутившись, отрицательно покачал головой. Тогда псевдо-Андрей за двадцать долларов предложил ему... американский флаг.

— Да я сам американец,— сказал Уитон и пошел к машине.

— Тогда возьми за пять долларов наш красный флаг! — Отказ фарцовщика не смутил. Дело было накануне 7 ноября, и перед праздником хотелось, видно, подработать.

— Дорого,— попытался отделаться Дэвид.

У самой машины валютчик его догнал и стал выклянчивать обмен. Взамен бейсбольной кепки американца он предложил алый стяг с древком.

— Я слышал, что красные знамена давались у вас раньше военным полкам и победителям, как это сказать... социалистической конкуренции. А мне его «вручили», хотя я даже не пробился в полуфинал.

* Укороченная партия с переходом подачи.

КУАЙТ, ПЛИЗ!*

— Что вам не понравилось на самом турнире или вокруг него?

На этот естественный для Крокодила вопрос практически все зарубежные участники ответили одним словом:

— Публика!

Нет, не советские, не русские, не москвичи в метро, на улице, около стадиона... Они-то как раз понравились. А вот некоторые зрители, работники всевозможных служб турнира: хозяйственной, рекламной, безопасности, почетные гости, для которых были выделены прилегающие к корту ложи, произвели на профессионалов неизгладимое впечатление!

— То, что вы нас не уважаете, доказывает, что вы не уважаете сами себя,— сказал сдержанный обычно швед Гуннарссон.

«Болельщики» страдали одной общей для нас хворью — отсутствием культуры. Они вскакивали с мест во время розыгрыша мяча, свистели, улюлюкали и радостно гоготали, если игрок попадал в аут. Даже в самый ответственный момент — перед подачей — позволяли себе ходить у корта.

* Спокойнее, пожалуйста!

ЭЙС ЭНД ДЬЮС*

У южного входа в «Олимпийский» висело скромное объявление: «Гостей ждут в магазине фирмы «Эллесс»

Что хотели этим сказать фирмачи, остается загадкой. Но добились они толпы у входа в крошечный демонстрационный зальчик, толпы, жаждущей сувениров.

В последний день турнира офис фирмы едва не разнесли в клочья бол-бойз (подавальщики мячей) и другой обслуживающий персонал, поверивший в пущенный кем-то слушок, что фирма не собирается увозить с собой в Италию экспонаты, а готова раздать (или продать) их всем страждущим в Москве.

На представителя фирмы Поппи было жалко смотреть. У него распух язык повторять слово «нет». И единственное, чем москвичи смогли, так сказать, отыграться, так это посещением фирмы страстным поклонником тенниса Б. Н. Ельциным. С интересом, но и с явной грустью осмотрел он коллекцию роскошных кроссовок, курток и тренировочных костюмов. Поппи презентовал ему какой-то пустяковый фирменный сувенир.

— Ну что ж, спасибо. Но у нас в России в долгу оставаться не принято,— ответил Борис Николаевич, снял с руки и подарил Поппи дорогие красивые часы.

* «Чистая» подача и равенство.

Поппи опешил. Ему, коммивояжеру, не привыкать дарить почетным гостям сувениры, но сам получать от них дорогие подарки он не привык. У телеоператора, снимавшего визит Ельцина, он выпросил пленку с «бартерной сделкой» и беспрестанно ее прокручивал, поглядывая на часы.

— Это,— он кивком головы указал на экран,— самый яркий эпизод за всю мою жизнь. Из России я увожу часы ее Президента!

ЭДВЕНТИДЖ — КРОКОДАЙЛ*

Пожалуй, впервые в своей истории наш журнал... играл на центральном корте соревнований теннисистов-профессионалов. И не без успеха.

В турнире пар аккредитованных на Кубке журналистов «Крокодил» выступал втроем, «спарившись» с Валентином Юмашевым из «Огонька» и Еленой Рерих из «Советского спорта».

Журналисты — народ азартный. Желтые канарейки мячей летали над синим, как море, покрытием корта. В случае промаха или грубой ошибки слышались не очень парламентские реплики. И хоть матчи проводились рано утром, некоторые звезды тенниса пришли поболеть за своих земляков. За нашей игрой из ложи прессы наблюдал Тим Майотт, который должен был выступать в «большом» финале и у которого я брал интервью в перерывах между моими сетами. Пожалуй, он впервые в жизни выступал в качестве интервьюируемого и тренера одновременно. И, может быть, именно благодаря его советам нашему трио все же удалось занять почетное четвертое место. Лишь из скромности умолчу, из какого числа участников.

А интервью с Тимом, как мы договаривались, я не публикую, ибо он просил напечатать его лишь в случае, если он победит.

Но в финале выиграл Черкасов.

---

* Больше у «Крокодила».

МАТЧ-БОЛ*

Черкасов. Двадцатилетний талантливый паренек доступен и прост. Впрочем, у него уже собственные тайны, например, коммерческие. Так, он не раскрыл размер контракта, который заключил с фирмой «Эллесс» на рекламу ее продукции. И правильно, кстати, сделал.

Самым смешным, что случилось с ним на турнире, он считает... путаницу между ним и Чесноковым.

Андрей Чесноков — звезда телезкрана, календарей и постеров, его знают в лицо, узнают на улице. Кроме того, он живет в Москве (когда бывает в стране).

Андрей Черкасов к рекламе своей персоны относится весьма отрицательно. Кроме того, он живет в Уфе (когда бывает в стране).

Андрей Чесноков в московском турнире без какого-либо объяснения причин не участвовал.

Андрей Черкасов не только участвовал, но и выиграл «Кубок Кремля».

Так вот, то ли из-за совпадения имен, то ли и фамилии у них похожи (на «че»), но вплоть до полуфиналов многочисленная охрана «Олимпийского» Черкасова, несмотря на пластиковую бирку на шее, пускала в раздевалки, в буфет и на корт с большим трудом, постоянно путая его с тем Андреем и называя самозванцем.

— Ну потом, правда, привыкли, так что я к ним претензий не имею.

Не знаю, стал ли Черкасов кумиром, как, скажем, Лендл в Чехословакии, но будем надеяться, что вторую ракетку Союза все-таки будут пропускать на корт без предъявления паспорта и визитки.

Рубен БЕКНАЗАР-ЮЗБАШЕВ.

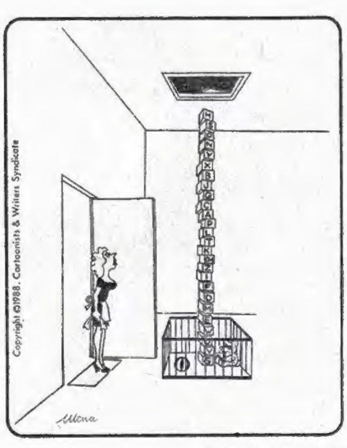
---

* Контрольный мяч.

(В названии глав использованы теннисные термины и судейские команды.)

ШВАДРОН, США.

МЕНА, Испания.

●

Попавший в тяжелую автомобильную катастрофу через несколько дней приходит в сознание и спрашивает у своей жены, сидящей у изголовья его кровати в больничной палате:

— Что, я уже в раю?

— Нет, дорогой. Я же здесь.

●

Диктатор одного государства пришел инкогнито в кинотеатр. В полной темноте, никем не узнанный, он сел на свободное место. На экране показывали новости, и он увидел сам себя на балконе своей резиденции во время обращения к народу. Тотчас весь зал принялся аплодировать. Только сам диктатор остался сидеть. Тут его сосед наклонился и прошептал ему на ухо:

— Вставай, сумасшедший! Зал полон переодетых полицейских. Ты что, хочешь быть расстрелян из-за этого мерзавца?

●

— По уровню жизни мы никогда не догоним наших соседей,— говорит жена мужу, указывая на соседскую квартиру.— Их уже третий раз грабят, а нас еще ни разу...

●

Один мужчина утверждает, что видел летающую тарелку. У него берет интервью пожилой усатый репортер.

— И вы действительно уверены, что это была именно летающая тарелка?

— Абсолютно уверен! Могу вам в этом поклясться, мадам...

●

Двое разглядывают в историческом музее египетскую мумию.

— Что это она вся в бинтах? — удивленно спрашивает один из них.

— Наверное, привезли из больницы,— предполагает второй.

Хуан Ривера СААВЕДРА (Перу)

В ЭРУ МИЛОСЕРДИЯ

Его турнули с обжитого престижного поста и бросили доживать век за стол обычного клерка. А вскоре и вовсе о нем забыли. И когда старик понял, что это конец, он люто возненавидел своего преемника — удачливого, пробивного, работоспособного до жути и, к сожалению, талантливого юнца. И решил его изничтожить.

Однажды вечером старик выследил парня в ночном баре, подсел за столик и распил со своей будущей жертвой бутылочку коньяку. В какой-то момент старику померещилось, что парень чувствует себя в его обществе как-то неуютно. А может быть, даже струхнул и уже готов дать деру. Это добавило старику решимости, и он здесь же, за столиком, попытался затеять драку, назвав коллегу «козлом»!

Но молодой человек все эти стариковские обиды счел блажью. Ему и в голову не пришло из-за такой глупости распускать кулаки. Или, того хуже, звать на помощь полицию. Поэтому он просто уплатил по счету и, отцепив скрюченные подагрой пальцы от лацканов своего пиджака, учтиво-снисходительно извинился перед вошедшим в раж собутыльником и не торопясь вышел из бара.

Но, не пройдя двух кварталов, он заметил, что старик идет следом. Тогда парень пустился на хитрость. Свернув за угол, он тут же нырнул в подъезд какого-то невысокого дома. И, уже поднимаясь по лестнице, услышал, как внизу скрипнула дверь. Стараясь не шуметь, он выбрался к лазу, ведущему на чердак. Лаз был накрепко забит досками.

А старик, потоптавшись в прихожей, стал карабкаться наверх. Единственный путь к отступлению был отрезан. Тогда парень попробовал вразумить старика, растолковать ему всю нелепость его обиды, но вскоре понял, что словами тут не поможешь. И тогда осталось одно — принять вызов. Они встали лицом к лицу... Старик мгновенно сбил молодого с ног, выхватил давно припасенный нож и, не раздумывая и ни о чем не жалея, ударил в беспомощно подставленную спину. Ударил со всей силой, распаленный хмелем и гневом.

А потом, гордый сознанием удачно завершенного предприятия, аккуратно поправил галстук и, ни разу не обернувшись, неторопливо и немного вальяжно сошел по лестнице вниз.

Когда его шаги стихли за дверью, парень пружинисто встал, отряхнулся, деловито ощупал прорехи, оставленные лезвием на пиджаке и рубашке.

— Не забыть бы завтра по дороге на работу заскочить в мастерскую. Пусть заштопают — за счет фирмы.

И, слегка усмехнувшись, кибер двинулся восвояси.

Перевел Н. ЛОПАТЕНКО.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

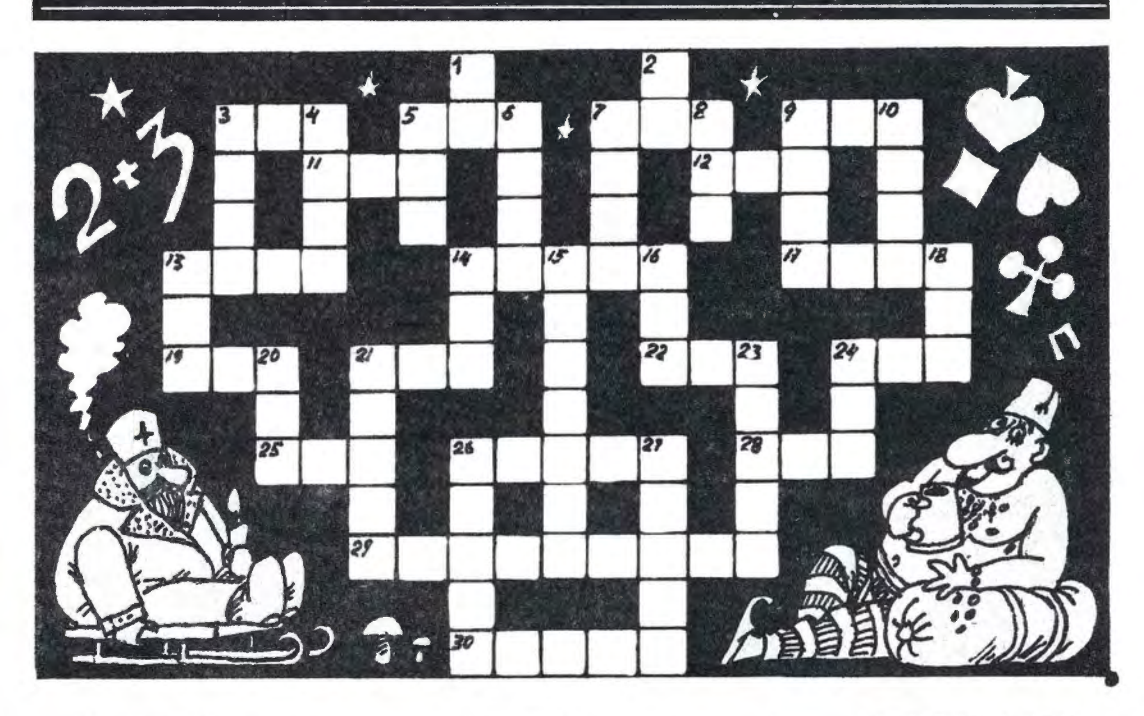

Шарж И. ЛОСОСИНОВА.

Владимир ПРЕСНЯКОВ-младший

Приятен голос у певца,
Хотя в нем не хватает мощи:
Талант достался от отца,
А голос, видимо, от тещи!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Определитель прихода. 5. Предложение повторить *(театральн.)*. 7. Вода на подъеме. 9. Самый душеспасительный призыв. 11. Дездемонический недоброжелатель. 12. Географический запад. 13. Жертва анестезии. 14. Человек, который играет свадьбу. 17. Шляпка на ножке. 19. Наше богатство *(массивн.)*. 21. Главный колодник *(азартн.)*. 22. Лекарство, которое приходится доставать со дна морского. 24. Небесный трехличник. 25. Горное угощение. 26. Железный отбой. 28. Похвальная поэзия. 29. Годовое расписание. 30 Макси-секрет.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Магическое число, которое осталось от длины окружности. 2. Танцевальная выходка. 3. Ларечный напиток. 4. Будничное число. 5. Способ, которым время дает о себе знать. 6. Дореволюционная паханка *(сельскохоз.)*. 7. Место, которое обычно бывает чисто *(поэтич.)*. 8. Форменный месяц в молодости. 9. Полевая игольница. 10. Полозковое средство передвижения. 13. Дискотека в высшем свете. 14. Посудина для трех мудрецов *(поэтич.)*. 15. Глупый антипод Буревестника. 16. Насекомое содружество. 18. Способ передвижения от инфаркта. 20. Первое после закуски. 21. Турецкий подданный. 23. Мелочь на зарядку 24. Накидная меховушка. 26. Ковбойская шестизарядка. 27. Курорт, знаменитый белыми шляпами *(вертинск.)*.

Составила Г. НАТАЛЬИНА.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Плюрализм. 6. Консенсус. 9. Рэкет. 10. Шезлонг. 12. Тоска. 15. Отара. 17. Ложка. 18. Нитрат. 20. Падение. 22. Гайка. 23. Блеск. 24. Стыд. 25. Матрешка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Потемки. 2. Бедность. 4. Ралли. 5. Мерин. 7. «Утка». 8. Репертуар. 11. Голова. 13. Коромысло. 14. Баянист. 16. Банкет. 19. Бендер. 21. Догма. 23. Бокс.

ТРИ СТОЛЕТИЯ

Крокодилы, как известно, отличаются долголетием. К сожалению, нельзя то же сказать о крокодильцах, многие из которых ушли обидно рано, в расцвете сил и таланта. Ушли, оставляя неосуществленные творческие замыслы, незавершенную работу, недописанные фельетоны, недорисованные карикатуры. Уходили и молодые, подававшие большие надежды, и зрелые мастера, и маститые академики.

А сколько бы они могли еще сделать для нашего журнала, для сатирического искусства, для читателей и зрителей — поклонников остроумной, меткой карикатуры, веселой юморески, забавного шаржа! Сколько удовольствия, улыбок, искреннего смеха недодали они людям...

Так не будем забывать их, наших ушедших друзей, товарищей по сатирическому крокодильскому цеху, художников «хороших и разных». Разных по непохожести и неповторимости их дарований, по стилю и манере изобразительного решения, по складу и характеру юмористического видения и сатирического мышления. Уйдя от нас, они не перестали быть крокодильцами. И мы, крокодильцы сегодняшнего дня, помним о том огромном творческом вкладе, который каждый из них внес в общий крокодильский «котел», о том, как щедро отдавали они журналу свое остроумие, выдумку, художественное мастерство. Неполной и обедненной была бы без них художественная, сатирическая и гражданская биография «Крокодила», потускнело бы его «зеркало», так или иначе отражавшее в себе сложные события, явления и треволнения минувших лет.

Исполнилось сто лет со дня рождения трех замечательных художников. Михаил Черемных и Иван Малютин — первокрокодильцы, принадлежащие к легендарной «могучей кучке», затеявшей и создавшей первый советский массовый журнал политической сатиры. Несколько позже, чем Черемных и Малютин, пришел в «Крокодил» Лев Бродаты, но сегодня все трое — ровесники: им всем по сто лет, хотя Черемных прожил на свете семьдесят два, Бродаты — шестьдесят пять, а Малютин — всего сорок один год.

Непростые жизненные и творческие пути этих выдающихся мастеров пересеклись и соединились в «Крокодиле».

Михаил Черемных пришел в журнал, имея за плечами активнейшую работу в массовом плакате периода гражданской войны, бок о бок с двумя другими основоположниками этого боевого жанра — Дмитрием Моором и Виктором Дени. Он же в эти годы придумал и вместе с Владимиром Маяковским наладил систематический выпуск знаменитых «Окон РОСТА», принципиально новой формы наглядной агитации, сочетавшей плакатную броскость с газетной злободневностью.

Лев Бродаты принес в журнальную сатиру свой немалый опыт серьезнейшей и плодотворной работы в области станкового рисунка и книжной иллюстрации, которыми, кстати сказать, он продолжал успешно заниматься наряду с сатирической графикой.

Иван Малютин начинал как скульптор в московском Строгановском училище. Потом увлекся искусством театрально-декоративного оформления, достигнув немалых успехов. Одновременно рисовал в свободное время веселые шаржи на театральные темы, которые охотно печатал дореволюционный театральный журнал «Рампа и жизнь». Это безобидное увлечение перешло, однако, в серьезный интерес к сатирическому рисунку, и вот Малютин — в числе основателей «Крокодила». Кстати, именно он нарисовал обложку первого номера новорожденного журнала с изображением отнюдь не плачущего «крокодиловыми слезами», а, напротив, симпатичного, улыбающегося, хотя и зубастого крокодила. И этот вышедший из-под малютинской кисти красный крокодил открыл собой неисчислимую череду крокодилов и крокодильчиков, без которых вот уж почти семь десятилетий не обходится ни один номер нашего журнала.

О всех трех наших столетних юбилярах написаны книги воспоминаний, изданы альбомы рисунков и монографии. Вряд ли будет уместно рассказывать о них беглой скороговоркой в рамках настоящей небольшой статьи, поэтому я подчеркну только главное, что, на мой взгляд, роднит и объединяет (помимо общей круглой даты) эти три крупные фигуры нашего искусства, столь резко индивидуальные как личности, столь абсолютно разные как художники. Их объединяет присущее каждому из них высокое УВАЖЕНИЕ к тому жанру, которому они себя целиком отдавали, взгляд на сатирический рисунок как на подлинное ИСКУССТВО, а не доходное ремесло. А также (пусть это и звучит банально) честная и строгая взыскательность к художественному уровню своих произведений, самокритичность и вечное, благородное недовольство своей работой. Нам бы у них поучиться...

Бор. ЕФИМОВ.

См. стр. 16.

См. стр. 15.

ТРИ СТОЛЕТИЯ

БЮРОКРАТ В ПУСТЫНЕ

— Рычи не рычи, а пока не представишь справку, что ты лев, все равно не поверю!

Л. БРОДАТЫ.

— Оставь, ирод, душегуб! Забыл, что товарищ Ленин говорил?
— Молчи, дура! Ленин, может, не знал, что я женатый.

И. МАЛЮТИН.

— Великая это штука — природа! Не заметили, как и рабочий день прошел...

И. МАЛЮТИН.

ОТЧИМ ГОРОДА

— Я свой город хорошо знаю! Знаю, где нет заборов, где фонари разбиты, где нет тротуаров!.. Слава Богу, не первый год работаю председателем горсовета!

М. ЧЕРЕМНЫХ.

МЯГКИЙ ПОДХОД

— Не беспокойтесь! Мы вас освободим от работы по болезни глаз,— ведь вы же действительно проглядели и посевную, и уборочную, и хлебосдачу...

Л. БРОДАТЫ.

